

ИГОРЬ ЧИРКУНОВ

ПЕНСИЯ
ДЛЯ "МОРСКОГО ДЬЯВОЛА"

Игорь Чиркунов
Пенсия для морского дьявола
Серия «Первый в
касте бездны», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68974968

SelfPub; 2023

Аннотация

Герой не был «падшим богом», «мега-магом, плевком тушащим звезды» или "крутым киллером" – обычный офицер спецназа ВМФ СССР, честно дослуживший до пенсии. И «попал» он, не в «магическую академию для боярЪских недоумков», а на тропический остров, к аборигенам. Не в «наследника рода», а в тощего паренька из презираемой здесь касты земледельцев...

Содержание

Часть 1. Попадаलो.	4
Глава 1 Кто в моей голове?	4
Глава 2. Бегство	24
Глава 3. Буду обживаться.	45
Глава 4. За информацией	61
Часть 2 В бегах.	88
Глава 5 Рекогносцировка	88
Глава 6 Тренировки и новые лица	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Игорь Чиркунов

Пенсия для морского дьявола

Часть 1. Попадаलो.

Глава 1 Кто в моей голове?

Сознание включилось как тумблером.

Что за ...? Меня словно кто-то схватил за шею и топит на мелководье словно кутёнка! Меня?! ... Блин, да ещё на мелководье.

Перед глазами дно с чистейшим песочком, какие-то мальки резвятся меж моих, упертых в дно рук... Стоп, это я пытаюсь орать, растрачивая воздух из лёгких? Что вообще происходит?!

Пофиг, после разберусь. Сейчас – паника стоп! Противник слева? Значит правша. Правую руку на шею – зафиксировать кисть противника. А вот и его большой палец. Приве-т! Скручиваюсь всем телом – кто ж так топит? Дилетант какой-то! Выворачиваю чужую кисть, используя его же палец как рычаг – а это больно. Всё, свободен! Вскидываю в

потоках соленой воды.

... О боги, извечные и милостивые, за что вы прокляли вашего жалкого и ничтожного раба? Это же люди воды! О, мать-богиня, Великая небесная Черепаха, за что ты отвернулась от меня, недостойного сына земли? Бежать, бежать, пока есть возможность, пока чудом удалось вырваться!

Так, Скат, что за нафиг? Голоса какие-то в башке посторонние...

Тем временем опрокинутый противник поднялся... Да ё-моё! Ну всё, вот и итог морального разложения, о котором всё время талдычит Маринка: напротив какой-то пацан, загорелый, кучерявый, что твой папуасик. Краем сознания отметил – вместо плавок что-то типа набедренной повязки из светлой ткани. Что за хрень? Мажорчик что ль какой? Чуть в стороне, за этим чудачком, на букву «эм», ещё пятеро, таких же, зелёных, в похожих «плавках». Вроде и девчонки есть, стоят онемев от происходящего. Допился, «пластиножаберный», и бёлка с голосами в башку пожаловала, и с детьми воюешь!

Нафиг, надо на берег. В сердцах махнул рукой, повернулся, пошатываясь и отплёвываясь потащился из воды. Шаг, другой...

– Беги-беги, грязная земляная крыса, – насмешливый голос в спину. – Забейся в свою нору и в следующий раз думай, прежде чем выходить на наш берег!

Всплески, словно тот, кто сзади догоняет. Один громче... На рефлексх перехватил ногу противника. Это удар? Это же поджопник! И тут же, даже не успев подумать, что творю – скрутка телом, и всю свою массу в удар. Локтем в колено: н-на!

Осознание, как и бывает догнало запоздало. Я, уже понимая всю безвозвратность совершенной глупости, приготовился почувствовать, как поддается нога паренька, как рвется суставная сумка, превращая юнца в инвалида...

Словно на бревно на толкнулся! Только предплечье отбил.

Воспользовавшись заминкой противник вырвал ногу, отшагнул назад. И тут же залепил мне прямым в нос! Пока мозг обижался на тело: «Да, как так-то? От сопляка схлопотал!», пока из глаз текли слезы – больно всё-таки! Руки-ноги жили своей жизнью.

Обозначил атаку в лицо, и, когда паренек вскинул обе руки защищаясь... Обе-то зачем? ... С подшага, от бедра ввинтил кулак ему в печень!

Да, как же так?! Кулак, будто чужой – подвернулся, больно дернув запястье. «Словно драться разучился!» – мелькнуло в сознании.

Всё равно, кучерявый подросток хапнул ртом воздуха, выпучил глаза, да и осел в воду.

Что я наделал!!!

Погоди, шиза, не до тебя. Ошарашенно уставился на ку-

лак. Это мой? Дернул головой, промаргиваясь. Ма-ма... Где тут ближайший мозгоправ? Это же не моя рука! Это какая-то детская ручёнка...

Я погиб! Бежать, бежать! БЕЖАТЬ!!!

Куда бежать-то? Приплыл: ща ментовка, суд, общественное порицание!

Внезапно внутри засосало. Кто-то сказал бы страх или паника, я же подумал про предчувствие. Быстрый взгляд по сторонам. Лазурью отливающая гладь мелководной лагуны, цепочка коралловых рифов, на небе ни тучки. Мокрое лицо обдувает легкий тёплый бриз, приносящий запах йода и водорослей. Крики птиц, ленивый плеск, за спиной шелест крон... Ни надводных объектов, ни вертушек... Так что?!!

Неважно, интуиции надо доверять! И я бросился к таким близким и густым джунглям – «с пляжа долой!» Босые ступни прошуршали по узенькой песчаной полоске меж урезом воды и кромкой леса, с прыжка проломился сквозь широколиственный подлесок и тут же – в сторону. Если сейчас начнут наваливать в след, ствол этой пальмы, пожалуй, даже ДШК или Браунинг М2 остановит.

Слава матери-богине, я сбежал от этих страшных людей! Сбежал! Домой, домой, дальше от пляжа, от воды, от этого кучерявого парня с друзьями! И зачем я только решился подойти к пляжу? Зачем захотел поглядеть за их занятиями. Это не твоё! Твоё – выращивать дары земли, помогать отцу и братьям на участке. Богам было угодно

чтоб ты родился в касте земли, значит живи на земле, а воды тебе и из ручьев хватит!

Всё, хватит шиза, ты кто? Почему у меня в башке чужой голос? Даже не голос, чужие мысли! Это пока просто белая горячка, или всё ещё хуже?

О духи леса! В меня вселился демон! Это не я, это он мной управляет! Я не виноват, это не я ударил этого парня из касты людей моря!

Что делать? Скорей к шаману, он поможет!

И тут же, картинка словно из чужой памяти: смуглый, чуть ли не до черноты, старик в одной набедренной повязке, с полностью седой всклокоченной шевелюрой и такой же бородой, весь расписанный татухами, завешанный костяными ожерельями словно ёлка, подходит к здоровенному, загорелому и тоже татуированному жлобу, что бестолково крутит головой, безумно тарашится и нечленораздельно мычит. Старик секунду другую будто даже не всматривается, а внюхивается в мужика, резво отскакивает на шаг и с размаха засаживает тому по голове своим посохом. Чёрный блестящий камень, что прикреплен в наверху посоха окрашивается красным. Кровь брызжет во все стороны, и мужик бездыханным падает на пыльную площадь перед длинной хижинкой.

– В него вселился демон! – кричит шаман...

Охренеть, вот так помощь. Вот так местный мозгоправ!

Тем временем ноги, словно сами, несли меня сквозь за-

росли, перепрыгивали поваленные стволы пальм, уворачивались от свисающих лиан, руки отбрасывали широкие листья с дороги.

Вот и наша хижина! Слава духам джунглей, за мной не было погони.

Тенью проскочил в открытый дверной проем, мышью прошмыгнул за спиной у возящейся рядом с костровой ямкой женщины в спальную половину. Рухнул без сил в свой угол, на циновку.

- Ты с поля пришел, Хэху?
- Да, мама, – услышал я свой голос.
- Отец с братьями скоро придут?
- Скоро, мама...
- Постойте... это мой голос?

Сердце молотило в груди, как бешеное. С хрена ли? Пробежал-то километра три, не больше, да ещё и налегке, без выкладки. Стареешь Скат, скоро подымаясь на третий этаж, на втором привал будешь устраивать!

Так, всё, стоп! Где я? Кто я? Что вообще происходит? Взгляд скользит по плетёным стенам какой-то хижины, земляному полу, цепляет босые стопы, голые худые ноги, без сомнения мне принадлежащие, останавливается на тощих, загорелых руках...

В голове сумбур и кавардак. Словно вчера, изрядно набухавшись, пересмотрел кучу фильмов, а на утро сюжеты наложились один на другой, смешавшись в забавный винегрет.

И в этом винегрете, один фильм, где героем был парнишка-абориген с острова в океане, наложился на другую киноленту, длинную, временами страшную, временами тяжелую про жизнь совсем иного персонажа.

Пацану-аборигену, по имени Хéху, был посвящен даже не фильм, так, короткометражка. Он рассказывал о его незатейливой жизни: родился в семье ... да как лучше назвать-то? Фермера? Земледельца? Крестьянина? Ну, вот, что-то похожее. Четвёртый ребенок уже немолодых родителей. Рос, ни с кем особо не дружа, тайком подглядывал за девчонками, собирал кокосы и бананы, помогал отцу и старшим братьям на поле. Не очень-то и помогал – сколько раз отец хотел отлупить за то, что сбежал с семейной делянки. Только мама, добрая и отходчивая, заступалась всякий раз, жалела, говорила, что вот-вот подрастёт, уже скоро обряд посвящения. Тогда-то и возьмётся за ум.

Вот и на это раз, сбежав от работы, слонялся он по джунглям, и, будучи совсем недалеко от пляжа, слышал голоса. Сколько раз отец говорил, чтоб не подходил к берегу, сколько раз твердил, что нечего сыну земли делать рядом с солёной водой. Ни пить её нельзя, ни урожай поливать, вред от неё один. Но юность есть юность. Подкрался к берегу, спря-

тался за поваленным стволом пальмы и аккуратно выглянул.

Шестеро таких же, как он подростков развлекались в воде, на глубине чуть-чуть глубже, чем «по грудь», устраивая своеобразное состязание: все вместе ныряли и сидели под водой, кто дольше продержится. Это люди воды? Или... Страшная догадка заставила сердечко пропустить такт. Может это ... люди глубин?!

Маленькая каста людей-рыб, что живут в воде, загадочная, гордая и о-очень богатая. Хеху вспомнил, как видел парочку таких на недавней ярмарке. Словно сошедшие с небес древние герои из легенд, они в невесомых одеждах из невиданной ранее белой ткани, с высокомерным видом рассекали толпу, а та расступалась перед ними почтительно, и даже самые крикливые продавцы умолкали, если они подходили к их товарам.

Видимо, это они и есть! Хеху во все глаза уставился на диковинных ребят. Хм, а они почти как обычные люди.

В состязании молодых людей обычно побеждал самый высокий парень, более атлетичный на фоне друзей, с густой кучерявой шапкой черных волос, орлиным носом и пронзительным взглядом голубых, как вода в лагуне глаз. Второй обычно была девушка, она лишь немного не дотягивала до результатов кучерявого. Волосы у нее были длинные, прямые, ниже лопаток, и когда она выныривала, обязательно резким взмахом откидывала их за спину, красиво взмётывая вверх и в стороны прозрачные брызги воды.

Хоть Хеху видел её лишь по плечи, всё равно девчонка казалась настоящей красавицей. У людей земли женщины широколицы, с большими губами, широким носом и массивными надбровными дугами, а эта была другая: и ротик аккуратный, и нос тонкий, и чёрные брови вразлёт. Словно сама лесная нимфа вышла искупаться.

Хеху уже хотел уходить, как ребята наконец решили выбраться на берег: может устали, может надоело. Четверо загорелых до смуглоты, сухощавых пацанов и две девушки.

Интересно, а ниже они такие же? Или у них хвосты? Или плавники? Да не может быть, те, кого он тогда видел, были обычными – две руки, две ноги. А может они прячут их? Хеху решил задержаться. Совсем чуть-чуть. Ведь интересно же!

Напоследок длинноволосая девушка видимо шагнула в яму, скрывшись в воде по шею. Но вот из воды вновь показались плечи. Ещё несколько шагов, и жаркому солнцу предстали по очереди грудь, животик, бёдра...

И Хеху застыл, забыв про всё на свете.

Женщины касты земли постоянно ходили в длинных одеяниях. Обычно носили платья плетеные из растительных волокон, и только, кто побогаче – могли позволить платье из ткани. Но все они закрывали тело от подмышек до колен, а тут... Тут выяснилось, что эти девушки во время купания носят такие же набедренные повязки, что и мужчины. И всё!!!

Словно в насмешку, чтоб совсем добить Хеху, девушка решила поправить волосы, для чего закинула руки за голову. Два высоких, крепких холмика с темными овалами сосков, словно две половинки батата задорно уставились на совсем забывшего прятаться, ошарашенного сына земли...

Естественно, что его заметили.

– Эй, Кай, смотри! – один из парней пониже вытянул руку, указывая прямо на Хеху, – Земляная крыса! Выползла из своего леса.

Хеху не сразу сообразил, что речь про него, поздно дернулся бежать, запнулся, упал. Его тут же настигли, выволокли на берег.

– А говорят, что, если крысу сунуть в воду она сдохнет! – давась смехом крикнул одни из приятелей Кая.

– В воду его! – подхватили остальные, и девчонки захлопали в ладоши, радуясь предстоящему развлечению.

Названный Каем железной хваткой схватил Хеху за шею, потянул к воде.

– Ты ведь хотел посмотреть на наши тренировки, червяк? А давай проведем с тобой одну, что скажешь?

Он затащил оцепеневшего от страха парнишку по колено в воду.

– Чтоб стать ныряльщиком, надо продержаться без воздуха самое меньшее один удар малого гонга, – с презрением в голосе сказал высокий, – Для меня это сто ударов моего сердца.

– Давай, Кай, покажи этому червяку!

Хеху боялся глубокой воды. Панически! Вода чтоб утолять жажду, чтоб поливать урожай. Водой можно умыться. Со склонов горы рядом с их поселением тёк быстрый ручей. Ещё в корнях большого дерева собирался глубокий бочажок, где Хеху набирал воду в кувшины для полива. Но Большая вода?! Она не для людей, она страшила и пугала, сильнее чем все духи леса вместе взятые.

– Давай попробуем, – Кай пронзительно заглянул ему в самые глаза, – вдруг и ты тоже, ныряльщик?

И он макнул упирающегося пацана головой в воду.

Нет! Дышать! Он же не человек-рыба как эти ребята, ему необходим воздух. Он умрет без него. Дышать! Паника затопила сознание, и Хеху заорал!

Второй фильм повествовал о судьбе уже немолодого, давно отставного офицера военно-морского спецназа, непосвящёнными именуемого «боевыми пловцами», посвящёнными – «водолазами-разведчиками» с позывным «Скат». Насмешливыми сослуживцами Скат частенько превращался и в «хрящевого», и в «пластинчатожаберного». И даже в «Мокрого дьявола», ибо манта, подвид скатов, она «морской дьявол» и есть. «Скат» как раз потому, что родовая фамилия – Мántин.

Одним холодным осенним днём поехал экс-«Скат» с друзьями-приятелями на водохранилище. Как говорить-

ся, «цель убийства – подводная охота», наверно последняя в этом сезоне, до ледостава. Накатили, конечно, по «маленькой» с вечера, куда без этого в тесной мужской компании? Хоть и не поощряется перед погружениями. Где-то глубоко, по сердцу тоской мазнули отголоски предшествующего поезде нервяка и переживаний, вызванных ссорой с очередной, третьей по счету, законной супругой.

А потом перед мысленным взором словно плёнку заново прокрутили: вот я натягиваю свою старую «гидру». Прохладно уже, в пяти миллиметрах неопрена, но все бабки буквально недавно ушли на новенькие карбоновые ласты. Ничего, на службе и не в таком ныряли. Маска-малообъёмка ложится на лицо.

– Николаич, влево, ближе к дамбе под берег не суйся, – советует Серёга, сосредоточенно проверяющий работу катушки на гарпунном ружье, – Там недавно дноуглубительные работы вели, могут надголовники¹ попадаться.

Наконец Серёга соскальзывает с мостков и, буксируя за собой ярко оранжевый буй, дельфином уходит вправо, в свою зону.

– Костя, а ты буй возьмёшь? – Михалыч, все ещё в одной куртке от гидрокостюма, почёсывая объёмистое пузо кивает на багажник своего L200.

¹ Надголовная среда в водолазном деле – подводное пространство, в котором между водолазом и поверхностью воды находится какое-либо препятствие. К надголовным средам относятся пещеры, затонувшие корабли, покрытые льдом водоёмы (озёра, реки, моря) и подводные сооружения.

Отмахиваюсь – только мешаться будет. И тоже вхожу в воду. Моя зона как раз левая, от мостков и до самой плотины.

Слегка шевеля лапами в разножку, отхожу чуть дальше. Да, карбон – вещь! Чувствую, как несильные вроде движения ног через упругую деформацию лопастей отталкивают меня от воды, заставляя её струиться вокруг. Опускаю лицо в воду.

Лёгкие гоняют воздух через трубку, насыщая тело кислородом, а глаза уже обшаривают открывающуюся взору картину. Водичка, конечно, мутноватая, не то, что в Средиземке, откуда Михалыч периодически привозит видосики. Но с моей подпиской после службы, только на Чёрное море ездить. Иль на Белое с Охотским. А остальное время – вот так: по карьерам, плотинам, да речкам нашим.

Было, было и у меня, и Красное, и Жёлтое, и каких только цветов не было морей в моей прошлой биографии. И Средиземка конечно. Только Михалычу про это знать не нужно. Вообще, никому знать не нужно. Знают те, кому по должности положено, и всё.

Так... а вот и интересная ямка, ну-ка, кто меня здесь поджидает? Кто сегодня пойдёт на вечернюю уху?

Складываюсь в поясе и тут же ухожу в глубину, будто субмарина на рулях. Поверхностный шум – посвист ветра в голых ветках, железный перестук далекого трудяги-локомотива, где-то тянущего длиннющий состав, гул далёкой автострады – всё отсекается. На смену приходит глухой, как

сквозь вату «тум-тум-тум»— ещё работающий насос-поливалка. И – тишина. Тут вам не море, ни тебе китов, ни дельфинов, ни судовых дизелей.

Ружьё выставлено вперед, наконечник гарпуна сопровождает взгляд, словно ствол шестиствольной АК-630 повороты ТВ-визира.

Какая-то тень на границе видимости... Я замер, скользя лишь по инерции. Где-то в глубине сознания мелькнуло самодовольное: «Ну и кто сегодня первый с трофеем?» Ещё немного...

Рыба, словно кот, и не приближалась, но и не разрывала дистанцию, держалась буквально в нескольких сантиметрах от зоны уверенного выстрела. Терпеть, терпеть... Стрелять на «авось», не в моей привычке. Выстрелю – спугну, потом всплывай, заряжайся, трать время на вентиляцию легких... А за это время Михалыч или Серёга кого-нибудь да добудут. Нет, я как тот самый пожилой бык: «Не торопясь спустимся с холма, и отымеем всё стадо».

Лёгкие стало поджимать. Пока терпимо. В принципе, не рекомендуют терпеть дискомфорт, мы не спортсмены -фридайверы, нам не рекорды нужны, а рыба. Но тут же мелко – пара движений ластами, и я на воздухе. Так что есть ещё время.

Наконец, любопытство толкнуло рыбёху подойти чуть ближе. Ого! Это ж сом! Хороший такой сомик, кило на пять-семь потянет. Не супер-пупер, но счёт надо размочить. Мой

будешь! Давай, ещё чуть-чуть подойди...

Желание вдохнуть становилось всё нестерпимее. Фигня, это психология, в лёгких ещё достаточно кислорода. Я шевельнул самыми кончиками ласт, подталкивая себя вперед и вниз. Ну, давай же!

Сом, видимо что-то заподозрив, вильнул хвостом. А, чёрт! Упуст... Не-а, не упустил. Вон он, опять вернулся. Ну давай... Ну...

Ружье, толкнув руку отдачей, выкинуло гарпун. Есть! Рыба начала биться, но главное сделано – гарпун пробил её и зацепился, теперь вытяну за леску. Можно всплывать.

Лёгкие давно уже дергались в позывах на вдох, когда я начал всплытие. И тут же уперся головой в какое-то нагромождение веток, палок, корней. Непроизвольно по сердцу резанула паника. Дышать! На воздух!

Отставить! Отставить панику, боец. Это просто плывун, нанесло течением. И меня в этой мути занесло под него в преследовании добычи. Был бы буй... Ерунда, сейчас я под него поднырну.

Лёгкие разрывало, диафрагма дёргалась как сумасшедшая, когда я чуть заглубился и заработал ластами. Не форсировать! Сожжешь кислород, и скажи привет потере сознания, по нашему «блек» – блекаут. На глубине, без возможности всплыть – гарантированная смерть, в таких бебеньях могут даже труп не отыскать, пока водохранилище не осушат.

Лицом почувствовал напор воды – плыву. Не дёргаться,

не паниковать, а лучше вообще – не думать. Сейчас, сейчас, появиться свет, а там несколько гребков и воздух. Давай, бо-ец, ты справишься, всегда справлялся...

Сознание затухало. Когда пальцы выпустили ружье, с волочащейся на привязи добычей – не заметил. Сейчас, сейчас, сейчас... И перед тем, как мир отключился, почувствовал, что уперся головой в какую-то стенку. Всё.

Вот, значит, как. Я вздохнул, сел на циновке, обхватил колени. Попаданец, значит. Там, значит, помер, а сознание мое тут оказалось. Ну-ну. Доплавался-донырялся. А ведь говорила Маринка: «Не доведут тебя Мантин твои нырялки до добра». Хмыкнул, получается не довели.

Вздохнул. Кстати, с твоей подачи, стерва моя драгоценная. Ты мне скандал перед выходными закатила, и, хлопнув дверь, умчалась на семейной тачке к маме. А идти на глубину в раздраенных чувствах запрещено категорически. Это и во всех наставлениях записано. А я вот пошёл, в надежде расслабиться-переключиться. С мыслями, что восемнадцать календарей ходил, когда Родина приказ давала. И как же глупо! Не под глубинками, и не от рук таких же, как мы подводных головорезов, а на каком-то захолустном водохранилище, на банальнейшей подводной охоте...

Стоп!

Я даже на ноги вскочил, в каком-то юношеском порыве. Это что получается? Это ... пенсия? Я словно боялся поверить, словно сейчас кто-то хлопнет в ладоши, рассмеется и скажет со смехом: «Что, повёлся?».

Не-е-ет, это она, желанная, порой обсуждаемая в кубриках. «А ты что будешь делать на пенсии?»

«Уеду к бате, на Орловщину», «в Пензу» или, как у меня – в Хабаровский край – вот самый частый ответ. Огород-картошка-дети. Рыбалка-охота – предел мечтаний. Пашка «Угорь» всё мечтал осесть в Гурзуфе или ещё где под Ялтой, но после распада «нерушимого», когда Крым отошёл в сопредельное, ребятам с нашими допусками туда дорога стала заказанной.

И вот...

Перед глазами вновь встала картинка, как на рекламном постере: чистейшая лагуна цвета аквамарин, окруженная рифами, и над некоторыми – пальмы. Девчонки туземные, смугляночки крутобёдрые, топлес... А одна прям чудо, как хороша, аж дыхание захватило! И я, не старпер какой-то: сорок плюс, с кучкой возрастных и профессиональных болячек, а юный пацан, и «вся жизнь впереди!»

Господи, если ты есть – СПАСИБО! Это уже рай? Или его преддверие? Не важно, мне здесь уже нравится! И я здесь – ОС-ТА-Ю-Ю-ЮСЬ!

– Эй, женщина! Сын твой дома?

Я вздрогнул, взгляд невольно метнулся в сторону входа в хижину. Сквозь щели в плетёной стене было видно, как перед домом переминаются с ноги на ногу несколько человек. И голос того, кто говорил, не сулил ничего хорошего.

– Я его с утра не видела, господин! – испуганный голос мамы. – А зачем он вам, он что-то натворил?

– Чтоб ты знала, женщина: я правая рука отца войны, главы касты воинов, что защищают ваши жалкие жизни. А вот это, отец глубин. Проникнись всей важностью момента, и отвечай: где твой сын?

– Я... Я не знаю, господин! А что случилось?

Раздался явственный скрип зубов, и говоривший со злобой заорал, уже не сдерживаясь:

– Твой безродный поднял руку на его сына! Он поднял руку на человека глубин!!! – говорящий чуть не захлебнулся от вопля. – Это не может остаться без наказания.

– Хеху не мог такого сделать, господин, Хеху славный маленький мальчик. Он слабый и робкий.

– Тем не менее, он ударил моего Кая! – взорвался яростным криком другой. – И это накануне испытаний! Если Кай их провалит, женщина... – что-то хрустнуло, – твоему выкидышу не жить! Слышишь?!!

– Я сам вырву его сердце, брат, и сожру на глазах этой толстухи! – подключился первый. – Этот червяк посмел ударить моего любимого племянника!

Вдруг страх сковал мое тело! Страх?

О духи леса! Меня нашли! Они знают, кто я! Я пропал, я погиб, мне нет спасенья!

Ну-ка шиза, заткнулась, и панику в «off». Сюда войдут?

Боги, это же человек из касты людей-рыб. И с ним его брат – человек боя, воин! Конечно, они войдут куда захотят!

Та-а-ак... Взгляд обшарил «комнату». Стены – плетеные толстые прутья, не проломиться. Крыша? Толстый слой чего-то сушеного, похожего то ли на солому, то ли на тростник. Высоко, не допрыгнуть. Хорошо хоть проход из «комнаты» в «кухню» не проглядывается от входа.

– Кто в доме? – рыкнул первый.

– Никого, господин! – испуганный лепет мамы.

– Ты врешь, женщина! Я что-то слышу!

И в дом, отшвырнув с пути маму, вломился здоровенный кабан в одном подобии набедренной повязки со свисающим впереди узким, расшитым «передником». Зато весь, от ног до лица, в затейливых татушках и с ожерельем из сушёных ушей. Человеческих, уж я-то понимаю. Выпученные в ярости глаза, сверкая белками обшарили комнату.

– Он здесь, Ситу! – расплылось в улыбке растатуированное лицо.

О духи...

На хер твоих духов! Мгновенно согнувшись, я схватил с земляного пола горсть пыли. Мама, конечно, всегда тщательно убирается, но это же просто земля. Хоть немного, хоть

горсточку, но моя ладошка захватила. И тут же отправила пыль в пучеглазую рожу. А не надо так глазёнки топорщить, людоед хренов.

– А-а-а! – заорал мужик, промаргиваясь.

Я ужом проскользнул меж его бревнообразных рук, что пытались схватить мою тщедушную тушку, и плашмя бросился под внешнюю стену. Туда, где мгновение назад увидел небольшую щель, меж плетеной стеной и землёй.

– Где?! – в дом ворвался другой, по голосу – отец, что переживал за испытания сына.

Поздно! Я словно гусеница, обдирая кожу, протиснулся в щель.

– Он убегает, ловите, болваны! – орал изнутри татуированный.

Хер тебе! Я, что есть духу, ломанулся в джунгли.

Глава 2. Бегство

Я бежал, стараясь беречь дыхание, по привычке петляя меж стволами, перепрыгивая кусты, подныривая под разлапистые широколиственные растения, названий которым не знал. Позади пытела погоня.

Через несколько минут я, наконец-то, вырвался из сложнопроходимой, из-за густой растительности местности. Дальше, на сколько глаза хватало, шли довольно мрачные джунгли, словно колоннада толстенных и высоченных стволов. Где-то там, наверху, над головой, метрах в тридцати не меньше, кроны сплелись настолько тесно, что солнечный свет сюда проникал совсем плохо. Внизу лишь голые стволы, обломанные ветки, да серая земля безо всякой травы, один мох, да лишайник, да слабый запах гниения. Зато стали попадаться камни.

Местность, где бежал, вправо повышалась, переходя в довольно крутой склон. Наверх? Ведь туда бегут во всех фильмах? Хрена, в незнакомой локации, можно упереться в какой-нибудь обрыв, и что делать? Быстренько мутировать в птицу? Я продолжил бег по ровному.

И сразу же голос в голове вновь заканючил:

Нельзя сюда, нельзя! Не надо!

За что и был послан. Не до тебя, шиза, разберусь с тобой после, когда время будет. Если будет.

За мной бежали трое. Ну, чистые папуасы: загорелые и мускулистые в узеньких веревочных «стрингах» с фартуками впереди и плетёных сандалиях. И татушек намного меньше, чем у того «глазастого людоеда» что врывался ко мне домой.

У бежавшего первым даже ожерелья никакого не было. Не заслужил что-ль? Разве что на щеках узоры, типа спиральных, но небольшие. Да на плечах и руках. Зато у него была дубина и нож, заткнутый за импровизированный пояс. А ещё он тоже страшно вращал выпученными глазами и громко что-то орал. Идиот, так никакой дыхалки не хватит!

Впрочем, не знаю как преследователям, мне точно дыхалки стало не хватать. Да что ж за проклятье! Как в том анекдоте: «Мне или свистка не достанется, или акула глухая попадется!». Тело мне досталось какое-то хлипенькое: лёгкие уже вовсю свистели, и сердце бухало, как у загнанного, а мы ещё и пары километров не пробежали.

Надо менять тактику. Тупо убежать видимо не смогу, тем более местности не знаю.

На ходу подхватил камень, неплохой такой увесистый булыжник и с разворота послал в первого преследователя. Мимо! Да что ж такое, пацан, ты ведь дитя природы! Ты что, мартышек камнями не сбивал?

Повторил. На этот раз попал лидеру погони прямиков в грудь. Только, похоже, ему этот бросок, как мне попавшая в грудь муха – если и заметил, то даже бровью не повел.

Меж тем, этот первый абориген вырвался довольно далеко от двух других своих коллег. Это ты парень зря, есть такой прием – растягивание преследователей. Чтоб не с кучей справляться, а по одному. Ну-ка...

Я чуть сбавил, приводя дыхание хоть в какой-то порядок и позволяя себя догнать. Подхватил камешек, по руке. И, когда радостное, от того, что догнал меня, сопение раздалось уже вплотную за спиной, я оглянулся через плечо, контролируя дистанцию до догоняющего... и сжавшись в комок бросился дикарю под ноги.

Ага! Не ожидавший такой пакости чувак всплеснул руками и растянулся во весь рост на корнях. Тебя падать что ль не учили, военный? А я тут же подлетел и огрел аборигена камнем по голове. И контрольный – Хрясь! Если знать, куда бить – вырубают на раз! А меня, славу богу учили на совесть, вбили рефлекс так глубоко в подкорку, что помирать буду, не забуду, и даже чужое тело не помеха.

Вырубил-нет, не знаю, но из погони точно выключил. Заодно, затрофеил ножик. Тебе он теперь ни к чему, а мне, как раз, пригодится. На дубинку даже не взглянул – не махаться ж мне с преследователями? Эти лбы здоровые моего дрища и без дубин уделают. Даже мои навыки не помогут, ибо навыки навыками, а без физухи и думать нечего лезть в противоборство. Это только в фильмах, девчонки – «сорок килограмм ярости» уделывают стокилограммовых мужиков пачками. А в реале мне даже их мышечный корсет не пробить

своими кулачонками.

Двое отставших, увидев такой поворот событий заорали ещё громче, ещё сильнее завращали глазами и скорчили ещё более страшные рожи. Блин, вот ведь фактор – страшная рожа! И что нас этому не учили? Представляю – встречает тебя «коллега» из «Спешал бот», или «Шайет-тринадцать»², а ты ему морду пострашнее скорчил, и готово – «оппонент» с сердечным приступом отправляется в страну вечной охоты...

Тут до слуха донёсся слабый, но такой узнаваемый рокот. Прибой! Значит где-то там – море. Туда!

Если б не был готов, мог и ухнуть. Сначала появился подлесок – я словно в зеленую изгородь вломился. Так всегда бывает на краю леса – тут света больше, и низкая растительность имеет шансы вырасти. Подлесок я пробил телом и тут же затормозил.

Сначала взгляд выхватил умопомрачительную панораму: яркое солнце и безбрежный голубой океан – ни паруса, ни островка, где-то там вдали сливающийся с не менее безбрежным и таким же голубым небом.

«Внутренний голос» что-то охнул, заскулил жалостно.

Да-а-а... Дух перехватило, когда взгляд опустился под ноги, туда, откуда неслись такие узнаваемые звуки. Ух-ты! Метров пятнадцать вниз, если не больше! Обрыв, на кото-

² SpecialBoatService (Великобритания), Шайётет 13 (тринадцатая флотилия, Израиль) – части спецназначения ВМФ, «боевые пловцы»

рый я выбежал, нависал карнизом, и где-то там волны разбивались о нагромождение здоровенных валунов.

Панорама – загляденье! ... Но любоваться райским местечком буду потом, ибо вот-вот на карниз, как чёртики из коробочки должны были появиться мои преследователи. Я на всякий пробежал чуть дальше.

Вот они, голубчики! Словно два кабана сквозь малинник, вылетели на свет божий. Один чуть было не испробовал чувства полёта, еле-еле успев схватиться за ветки, да приятель помог, придержал.

Нас разделяло метров тридцать.

Аборигены, кстати, не выглядели сильно запыхавшимися. В отличие от меня – я уперся руками в колени и пытался хоть чуть-чуть восстановить дыхание.

– Иди сюда, червь! – увидев, что я уже не убегаю властно выкинул в мою сторону руку один папуасина.

А у этого на шее ожерелье присутствует, с тремя сушёными ушными раковинами. Ты, видать, крут чувак! Три уха, три трупа что ль? Хм... Не – три уха как три лычки! Перво-статейным будешь! Вот только с чего ты решил, что столько времени убегавший от тебя человек после таких слов хлопнет себя по лбу, и скажет: «А, ну точно, чё это я? Побегал-побегал, может уже хватит»?

Затем взгляд аборигена опустился, наткнулся на так и невыпущенный из моей руки деревянный кинжал коллеги. Новая «страшная» гримаса:

– Как ты посмел прикоснуться к оружию человека битвы, земляной?! Тебя ждет суровое наказание!

То «иди сюда», то «наказание». Ты уж определись. Или «подходить за наказанием»? Вот уж дудки!

Внутри башки опять испуганно завизжала «шиза», что-то про «*Это не я!*» Появилось страстное желание отбросить нож в сторону. Ну, уж нет! И, вообще, задолбал, мешаешь!

– Не заставляй за тобой бегать, земляная крыса, – подтвердил второй. У этого только два уха на ожерелье. Не вопрос, будешь «второстатейным³». – Тебе отсюда некуда бежать!

Да что они всё время «земляной крысой» дразнятся? Разнообразили бы что ль свой сленг.

Наконец «второй» сделал шаг вперед:

– Ты плохо слышишь, червь? Тебе сказали, подойди! Или мы скинем тебя с обрыва, а потом скажем, что ты прыгнул сам!

И оба они заржали, довольные шуткой. Шиза в голове забила в панике.

– Ща! – продолжая часто дышать я поднял указательный палец, словно останавливая их. – Подожди пять сек.

Выпрямился, через стороны поднял руки вверх, наполняя лёгкие воздухом, и через стороны же опустил на длин-

³ Для не служивших в Советской/Российской армии: три «полоски» на погоне (лычки) – сержант, аналог в ВМФ – «Старшина 1-й статьи». Две – младший сержант (Армия) или «Старшина 2-й статьи» ВМФ.

ном-длинном выдохе. И ещё раз: вдох, наполняя сначала живот, потом грудь и, под конец, верхние отделы, так, чтоб аж ключицы поднимались. Затем выдох в обратной последовательности. И ещё три раза. Пульс вроде замедлялся. Немного, но не до жиру.

– Это танец птицы? – усмехнулся с треухим ожерельем. – Хочешь улететь от нас? Давай мы тебе поможем!

И он неспешно двинулся в мою сторону.

– Ага, – во всю морду улыбнулся ему я, – танец птицы Обломинго!

– Кого? – нахмурился абориген, остановившись, взглянул на приятеля. Тот непонимающе развел руками.

– Птица, говорю, такая есть, Обломинго называется, – Я начал усиленно себя накачивать: быстрые, но глубоки вдохи-выдохи, – Прилетает, и обламывает туповатых ребят.

Разбег в два шага, толчок... Слабовато конечно. Внутренняя шиза что-то слабо ойкнула, и, похоже, совсем отключилась. Ну, вот и славно! А я, описав надеюсь красивую дугу в воздухе, вытянувшись в струнку полетел вниз.

Руки вперед, тело напряжено. Левой ладонью обхватить правый кулак с зажатым ножиком, плечи поднять, голову зажать меж рук и подбородок к груди. Только так, иначе грохнусь кулём, а с такой высоты поломаться можно здорово – сломанная шея покажется ерундой.

Как и положено, руки вошли первые, разбивая поверхностное натяжение, раздвигая воду, чтоб остальное тело вле-

тело в толщу как нож. Не без косяков, конечно, завалил немного вход, да и брызг наверно целый фонтан поднял. Саднило колени и стопы, левый бок горел – всё-таки тело, которое мне досталось, ни со спортом, ни с бегом не дружило, так откуда взяться наработанной моторике прыжков с вышки?

Но жив, и дышалку не сбил.

Я ещё сверху разглядел – сразу под обрывом начинается большая глубина. Это и по цвету воды понятно, и волны такой на мелководье не бывает. К тому же никаких признаков отмелей или камней по близости, заставлявших подозревать сложный рельеф дна.

Поэтому сразу ушел на большую глубину, не опасаясь воткнуться в твердое. И как только восстановил ориентировку: верх-низ и где тут берег, в пару гребков прижался к крутому подводному откосу, заросшему тарелками моллюсков и морских губок, уходящему куда-то в непроглядно тёмную бездну, и медленно-медленно, стараясь слиться с камнями, всплыл.

Над головой, выступающим козырьком, навис крупный камень. Именно нечто подобное я высматривал, ещё будучи наверху, перемещаясь по обрыву. И сейчас этот камень закрывал меня от взглядов оставшихся где-то там преследователей.

Больше всего я опасался, что аборигены сиганут за мной. Что бы делал тогда – не представляю. Но, к счастью дураков наверху не оказалось, всё-таки пятнадцать метров, это

пятнадцать метров. В бассейнах при прыжках с десяти пузырьковую подушку включают. А тут раза в полтора выше... С обрыва, надеюсь, картина выглядела прозаично – нырнул пацан и с концами. Об этом и доложат.

Но, на всякий случай, просидел в воде ещё какое-то время. Часов, ясен пень никаких, но по ощущениям, не меньше часа я под камешком сидел, как мышь под веником – тихо и не отвечивая.

Пока «отмокал», было время собраться с мыслями.

Итак, как уже было установлено: я – попаданец. Хм, до сих пор лишь читал про таких в потрепанных книжках с мятыми обложками. Ну что ж, приму как входящую информацию, рефлексировать на тему: «почему я?», «как такое возможно?» не собирался. Зачем? Этим можно будет потом, как-нибудь, на досуге заняться.

Важнее: что имею в активе, и куда меня занесло?

Локация плюс-минус понятная – судя по растительности, по рифу и лагуне – тропики или около того, чуть позже определюсь точнее. Или побережье крупного острова, слешь материка, или остров.

Интереснее другое – что за период? Я видел дом реципиента. Это ж дыра-дырой. И самое, блин, неприятное, что об эпохе это может вообще ничего не говорить! Где-нибудь надо мной на высоте десяти тысяч метров, прямо сейчас может пролетать межконтинентальный лайнер, а здесь, в этом

богом забытом углу, люди продолжают жить в условиях каменного века.

Кстати, о каменном веке... Я осмотрел трофейный ножик. Кинжального типа, деревянный, твердый. Что-нибудь из разновидностей железного дерева – древесина настолько плотная, что в воде тонет. Мой нож тонул.

Что ещё? Из одежды – нечто похожее на «трусы» из растительных волокон, обмотанных вокруг пояса и паха на манер одежды суммоистов. И всё. Вообще – всё.

Судя по рукам, бывший хозяин тела со спортом не дружил. Это надо исправлять. И, кстати, как его звала мама? Хеху? Надо запомнить. Теперь Хеху – это я. Постарался повторить на разный манер: «Привет, я Хеху!», «Здравствуйте, меня зовут Хеху». «Эй, Хеху! – Чего?» и под конец: «Курсант Хеху! – Я!»

Но если честно, более всего напрягала моя собственная реакция. Во-первых, ещё на пляже. Чего испугался? Ну ладно, там можно на интуицию списать. Но в доме? Чего я вообще ломанулся куда-то? Сколько их было, пятеро? ... Хм, ну с сегодняшним моим телом, конечно, в драку лезть не стоит. Но ведь я не шкет какой-то, так-то я взрослый мужик. В коне-концов, договорились бы, порешали на месте. Они что, убивать меня что ль пришли? Хотя... Я вспомнил рожу «людоеда». Хрен знает, сложно аргументированно выкладывать свою точку зрения, получив удар каменным топором по башке!

Но в любом случае, не могла у меня быть такая эмоциональная реакция. Вот не могла и точка!

Наконец, очень аккуратно высунулся из своей «норы». Никого. Вот и ладно.

Попытался выбраться на берег. Оказалось, что это очень узкая полоска, считай карниз, выбитый прибоем в склоне, весь заваленный здоровенными валунами. Двигаться по нему – только ноги ломать. Тогда вплавь?

Насколько мог, осмотрелся. Передо мной возвышался нависающий каменистый откос. Судя по тому, что справа-слева он заворачивался, это или выступающий в море полуостров. Или вообще – остров. Что-нибудь вулканическое, типа Гавайев или нашего Итурупа. Прибежал я, если правильно всё представляю откуда-то справа, если смотреть с воды. Значит мне влево, незатейливая логика!

Немного отгреб, чтоб не бултыхаться в прибойной зоне и поплыл расслабленным кролем вдоль. Вернее, попытался поплыть. Ибо тот, в чье тело я попал, вообще не умел плавать!

В секцию плавания бабушка привела меня ещё в первом классе, и я уже не вспомню, как это – пытаться контролировать положение рук при гребке, не забывать подключать ноги. Не говорю уж о том, что я стал задыхаться!

Пробарахавшись так минут двадцать перешел на брас. Скорость, конечно, упала, но стало проще: вдох на гребке, и

длинный-длинный выдох на скольжении. Вроде двигаюсь, и ладно. Пока сойдет.

Сколько времени плыл сказать трудно. Может час, может пять часов. А может и десять минут. Когда тело начало совсем выбиваться из сил направился к берегу. Благо откос вроде закончился, теперь к воде сбегал поросший джунглями склон. Повезло ещё раз – там, где я наконец-то выбрался из воды, оказался миниатюрный пляжик: полоска песка, метров двадцать в длину, а в ширину дай бог пару. Да ещё метра три песка в воде, обеспечивая довольно удобный вход. Окружали пляжик густые заросли чего-то широколиственного. Когда-то нам проводили занятия по тропической флоре, но сейчас я ничего кроме пальм и не вспомню.

Я ещё осмотрел заросли на предмет тропок всякой небезопасной фауны, но кроме насекомых и нескольких довольно крупных ящериц ничего не обнаружил. Вообще, местность, насколько смог обследовать выглядела нехоженой. Вот и славно! С этими мыслями я завалился под раскидистый куст, чтоб не сгореть на солнышке и провалился в глубокий сон.

Проснулся, словно мозг из состояния сна «перещёлкнули» в состояние бодрствования. Не меняя позы и продолжая глубоко дышать, прислушался. Прибой, шелест листьев. Никого?

Пальцами правой руки нащупал рукоять ножа. Не автомат, конечно, но наличие хоть какого-то оружия вселяло уверенность. Совсем без оногo чувствую себя голым.

Сел рывком. На пляжике пусто. Фух... никого.

Судя по тени, сдвинувшейся градусов на пятнадцать, проспал около часа. Отметил чисто автоматически ещё одно: здесь солнце двигалось против часовой стрелки. Усмехнулся: помню, как этот факт «ломает мозг» когда сталкиваешься с ним впервые, а сейчас просто отметил – я в южном полушарии.

Впрочем, в данный момент для меня эта информация чисто факультативная. Есть три более важных вопроса:

Первый – куда меня занесло? Регион, время? Впрочем, на эту тему я уже пытался размышлять.

Второй – чего успел накосячить и как разруливать? Это важнее.

И третий, самый актуальный – где ближайший источник воды?

Хотя если я в тропиках, с водой не проблема. Особенно там, где такая «мясистая» зелень.

Так и есть, затратив несколько минут на поиски, я нашёл участок склона с очень влажной землей, буквально в нескольких метрах от пляжа. Вырыл небольшую ямку, и прямо на моих глазах она стала наполняться жидкостью. Но пить не стал. Я что, дурной, пить в джунглях хотя бы некипяченую воду? Даже если не подхвачу что-нибудь смертельное,

понос обеспечу себе знатный. А как говорил ещё старшина курса: не слезающий с горшка воин – это не боец!

Теперь самое время допросить прежнего владельца тела, раз уж он здесь. Так то, обычно, в книгах про попаданцев всегда новое сознание старое вытесняло, но мне кажись повезло. Ну а кто ещё мог скулить и причитать в моей голове?

Эй, шиза, ты здесь? Эй? ... Хеху...

Я успел вернуться на пляжик, смонтировать некое подобие солнечных часов, чтоб хоть как-то ориентироваться. Голова в голове всё не было.

Чёрт! Может он того, скопытился? «Покинул это брренное тело», как говорят? Засада! Тогда придется оперативную информацию добывать самостоятельно...

Ладно, буду пока обжигаться. Пляж оказался шире, чем виделся с воды – от кромки зарослей до весьма крутого склона было ещё метров шесть. Вполне можно в глубине зелёнки расчистить площадку, что с воды будет не заметна, и использовать как временную базу. Кстати, склон оказался реально непроходимым. Осматривая новые владения, я подошел к нему. Крутой, больше шестидесяти градусов точно, хоть и не сплошная скала – какой-никакой, а нанос земли имеется, даже есть в чём хлипкой растительности укорениться. Даже редкие тоненькие деревца произрастают. По такому уклону не подняться, и не спуститься без веревок и оборудования. Любой, кто попробует – будет лететь вниз, пере-

считывая тушкой редкие нетолстые стволы. Так что с пляжа – только по воде, что меня вполне устраивает.

Ладно, подходящей «мебелью» для обустройства быта я позже обзаведусь, а пока надо подумать над чем-нибудь по-серьезнее деревянного кинжала. Пырнуть таким можно, но использовать как инструмент – не выйдет: ни строгать, ни раскалывать что-то.

И в чем проблема? У меня же тут камня всякого под боком навалом! И остров этот, если, конечно, остров, явно вулканического происхождения. Значит, подходящие материалы надо просто найти!

Побродив немного в зоне прибоя за пределами песчаной полосы, нашел что-то более-менее подходящее – несколько тёмно-коричневых камней с очень гладкой, словно оплывшей поверхностью. Будто оплавленный кусок воска. То, что нужно – кремень.

Выбрал тот, что раза в два превышал будущий клинок. Ну-с, пробую?

Для начала я загубил три или четыре камня, пока добился подходящего скола: клал на землю и другим кремнем бил в центр. Сложно одновременно бить под прямым углом и слегка «оттягивать» удар – моторика не поставленная. Я точно в аборигена попал?

На третьем камне палец, удерживающий било соскользнул...

Искры из глаз окрасили мир в цвета фейерверка. Отки-

нулся, прикрыв веки, сделал длинный-длинный вдох сквозь сжатые губы и задержал дыхание, чувствуя, как по щекам текут два ручейка... Ма-ма...

Ай! Больно!!!

О! Шиза! Вернулась! Хм, нет... Хеху. Вернулся пацан.

– Ну привет.

Демон! А-а-а-а! В меня вселился демон! Я пропал!

– Во-первых, я не демон. На худой конец, – я усмехнулся, – дьявол. Морской.

В меня вселился злобный дух моря!!!

– Да пофиг. Я теперь здесь, давай договариваться.

Хорошо, что со стороны меня не видят! Разговариваю сам с собой. Точно за бесноватого примут.

Надо бежать к шаману, он поможет!

– Так. Стоп-стоп-стоп! Куда ты собрался? Я, кажется, видел, как ваш шаман помогает таким как ты. Меня этот способ «лечения» не устраивает.

Как заставить его замолчать?!

– И не надейся!

Вижу – паренек в неадеквате, придется подождать с разговорами. А он пускай поварится немного: мыслить может, и даже иногда эмоциями окатывает, а вот моторика под моим контролем. Надо только отслеживать всякие странные побуждения, как там, на обрыве, когда появилось сильное желание отбросить нож.

Чтоб не тратить время, уселся прям на песок, пристро-

ил ту половинку камня, что имела более-менее подходящий скол на колено и принялся не торопясь обстукивать другим камнем. Время у меня есть, не этот, так второй или десятый нож у меня получится.

Не прошло и часа:

Что ты делаешь, демон?

– Нож.

А что вы хотели? Парень заперт в своем теле, деваться ему некуда, с другой стороны, что-то ужасное ему прямо сию секунду не грозит. Стокгольмский синдром никто не отменял, любой бы заговорил.

Нельзя! Выбрось! Оружие – это табу!

– А кто увидит? И кто помешает? Ты же никому не расскажешь?

Нет, что ты!

– Вот и славно.

Прошло ещё полчаса, не меньше. Непрерываемый внутренним голосом я сосредоточился на работе. Получалось неплохо.

Демон, зачем я тебе?

– Хороший вопрос, пацан. Я бы сказал – ключевой вопрос. Так получилось, что теперь твое тело – это мой дом.

Надолго?

– Навсегда.

Опять пацан пропал на какое-то время. Я тем временем вполне сформировал режущую часть. Ещё бы «отше-

лушить» – обработать получше, чтоб совсем плоскую форму придать. Ну и ладно, не до красоты – будет резать и на том спасибо. И вообще – каменный нож, несмотря на отличную остроту, штука одноразовая – попользовался, режущая кромка выкрошилась – делай новый. Не проблема, если рука набита.

Демон, прошу тебя, уйди из моего тела. Ну, пожалуйста! А я тебе большую жертву принесу. Хочешь, куплю много рыбы, и подарю её тебе? Ты же морской демон, тебе должна понравиться рыба.

При словах о рыбе в животе забурчало.

– Да уж, рыбки бы сейчас не помешало...

Я дам тебе много-много рыбы, только уйди, прошу тебя!

– Пацан, не тупи. Я же уже сказал: я здесь надолго.

Демон, если ты не уйдешь сам, я попрошу шамана, и он изгонит тебя!

– Блин, ну что за невезуха, а? Мало того, что мне досталось слабое тело, так ещё и с умственными способностями у владельца проблемы... Пацан, ты тупой? Ты же сам видел, что делает шаман с такими как ты.

Ага! Ты боишься! Я нашёл твое слабое место, демон! Немедленно уйди из моей головы, или ты знаешь, что я сделаю!

Твою мать... Вот тупое создание...

– Ты, кажется, мне угрожаешь? А знаешь что? – по правде говоря, я начал закипать. И не удивительно: устал, проголо-

дался, плюс куча непоняток, а тут с каким-то юным папуасом договориться не могу. – Сделаю-ка я, пожалуй, следующее: дождусь ночи, приду к тебе домой, и убью всю твою семью! Как тебе такой вариант?

Шиза... то есть сознание Хеху в моей голове забилося в истерике.

– А потом, я прокрадусь в дом вождя, и убью его тоже. Но так, чтоб все видели, кто это сделал!

He-e-e-em!!!

– Да-а-а. И вот потом... я, как ты и просишь, покину твою голову...

Нет, демон, ты не посмеешь! Я тебе помешаю, а буду кричать, чтоб ко мне не подходили! Пусть меня лучше убьют...

– А ты смелый... – я хмыкнул. – Тогда, я лучше сделаю кое-что другое...

Встал, отложив на песок заготовки, потянулся, разминаясь, подошел к кромке воды.

– Ты же любишь воду, Хеху?

Зашел так, чтоб теплые волны набегая омывали голени. Ка-айф!

Я ... Да, я люблю воду...

Слова рождались словно через силу.

– А я вот помню другое, – злорадно ухмыльнулся я. И сделал ещё пару шагов.

Теперь волны доставали до моих «трусов».

П-прошу... не н-надо...

– А теперь я поплыву далеко-далеко от берега. И когда земли уже будет не видно, а под тобой будут плавать морские чудовища я тебя и покину.

П-прошу-у...

– Не, сначала я нырну глубоко. Туда, где нет воздуха и даже свет солнца не проникает... А уж затем покину твою голову, и вселюсь в какую-нибудь акулу...

Блин, я не переборщил? Ща опять отключится на пол дня... Но всё равно зашел по пояс.

Стой!

Ну вот, что и требовалось. Кстати, дальше только плыть – полоска песка обрывалась резко начинавшейся глубиной. Всё-таки скорее всего это вулканический остров – считай верхушка горы, торчащая над поверхностью моря. Тогда глубины здесь должны быть соответствующие.

– Ну что? Ты признаёшь, что перечить мне не стоит?

На этот раз Хеху молчал долго. Потом всё же выдавил

Да

– Вот и отлично! – я вышел на берег. – Но не считай меня неблагодарной сволочью. Поверь, иметь в голове такого демона как я, очень выгодно. Я очень много знаю и умею. Так что в ближайшем будущем, Хеху, твоя, то есть наша жизнь круто изменится к лучшему!

Ты хорошо говоришь, демон, и речи твои сладки. Но всё зря, жизнь моя закончилась. Ведь сейчас все думают, что

это я ударил сына старейшины ныряльщиков, а потом убил человека войны... Нам конец, демон.

Голос, звучащий под черепной коробкой, не имел эмоциональной окраски. Зато я сам ощутил такую тоску, что впору было выть.

– Фигня, пацан, – сказал я, как можно бодрее, – безвыходную ситуацию я знаю лишь одну: когда на таймере ядерного заряда осталась одна секунда, а до проводов ты так и не добрался. Но поверь мне, сейчас это не она. Так что помоги мне, и мы вместе придумаем, как выпутаться из этой жопы.

Глава 3. Буду обживаться.

Дальше разговор пошел уже в более конструктивном ключе.

– Вот что, Хеху. Расскажи мне, для начала, где я оказался. Что это, – я неопределенно обвел рукой вокруг себя, – остров, полуостров, материк...

Это ... наша земля.

Хм. Информативно.

– Скажи, а она окружена водой со всех сторон? Или большая вода только с одной стороны?

Я ... не знаю

Блин...

– А где ты живешь, Хеху?

Я живу со своей семьей. В нашем доме.

Та-а-ак...

– А дом твой где?

Мой дом, это лес. Мы люди земли, так нас ещё называют. Потому что мы живем землей: не даем лесу забрать у нас участок, обрабатываем его, сажаем ростки и заботимся о них, пока не вырастут.

– Окей, окей парень. Вы земледельцы. Это понятно. Уважаемое занятие...

Совсем нет

Я почувствовал грусть парня.

Людей земли все презирают. Все смеются над нами, называют земляными червями или крысами. А ведь вырастить урожай – это так непросто.

– А «все», это кто?

Люди сетей, в первую очередь.

– Это кто?

Те, кто живет рыбной ловлей. Ещё их иногда называют людьми лагуны. Они плавают по ней на своих лодках и забрасывают сети. Рыба стоит дорого. За одну маленькую рыбку надо отдать пригоршню просо или несколько клубней батата.

– Ага. Люди сетей – это рыбаки. И они выше вас по статусу.

Вообще, странно. Насколько помню историю, именно земледельцы создавали первые цивилизации, поскольку производимого ими продукта хватало, чтоб содержать воен-но-административную верхушку. Но хрен с ним, я что, антрополог-социолог? Мне тут устроиться надо, а не исследования проводить. Моя цель не диссертация, цель – выжить. И, желательно, с комфортом.

– Та-а-ак. А где живут люди лагуны, в смысле сетей?

Они живут в деревне

– Не в вашей, в другой деревне?

Нет, что ты! Деревня у нас одна! Она там, ниже, на берегу ... А мы живем в лесу.

– Ладно, разберемся по ходу. А кто у вас ещё есть?

Есть люди войны, воины.

– Дай сам догадаюсь, они живут войной?

Хеху задумался. Затем я ощутил сомнение

Не знаю. Нет наверно. Они нас защищают, от других людей войны.

– Каких, «других»?

Тех, что приходят ночью, убивают мужчин, воруют женщин, разоряют наши дома.

– Откуда они приходят, Хеху?

Ты что, пацан? Это ж ключевая информация!

Оттуда... Не знаю. Говорят ... из-за моря.

– Ладно, Хеху, с этим тоже разберёмся потом. А этот пацан, на берегу, которого я ударил? Он тоже из людей лагуны? Или как их?

Люди глубины. Может быть... Я не знаю... Я ... Я никогда их не видел – людей глубин... Нет, один раз видел, но хорошо не рассмотрел.

Ага, сообразил я, это наверно мелькнувшая в воспоминаниях сцена на рынке.

Говорят, они живут под водой, поэтому их так и называют. А ещё, что у них жабры, как у рыб, и они могут долго не дышать.

– Слушай, но у тех ребят, на пляже никаких жабр вроде не было...

Я не заметил, как провалился в воспоминания. Особенно не выходила из головы та девчонка. Эх... Персик! Грудь,

бедра, ноги... Длинные волосы, да и на лицо приятная...

Она очень красивая.

Согласился со мной Хеху. Ты чё пацан? Подслушиваешь?
А впрочем, фигня. Мы же теперь считай одно целое.

– Понравилась?

*Я таких красивых и не видел раньше. Может она и прав-
да, дух или фея?*

– Слу-ушай! – я даже отвлекся от работы. – Хеху, а у тебя
девчонка есть?

По телу расплылась волна смущения.

Ну-у-у... Постоянной нет.

– Так, погоди... Ты надеюсь уже знаешь, чем мужчины с
женщинами занимаются, когда наедине остаются?

И тут же испытал гамму чувств: от стыда до удовольствия,
и даже страх. Вместо ответа в памяти замелькали картинки
из чужой жизни... Ага, пацан, значит пару раз тебя всё-таки
«приголубила» одна подруга. Молодцом!

– Твоя девушка? – подмигнул я.

Оказалось, что нет. Более того, я с некоторой оторопью
узнал, что шансы на собственную семью у Хеху минимальны.
Дело в том, что земельный надел, с которого кормится его
семья, после смерти отца отойдет старшему брату. Среднему
он достанется лишь в случае, если старший умрет, не оста-
вив наследников. У старшего брата Хеху – Акахаты недавно
уже родился сын, но умер. И пока у Акахаты только две де-
вочки, средний брат – Эруэра, всё ещё может стать старшим

в семье. В случае смерти Акахаты, среднему брату должны отойти не только земля, но и жена старшего брата, и его дочери. И он должен заботиться о них, как о своих. Кроме того, после смерти отца Хеху, когда Акахата станет главой семьи и у него будет наследник, он вообще может разрешить Эруэре жениться. Но только в том случае, если урожаи будут достаточными, чтобы выжить увеличившейся семье.

– А если умрет Эруэра? Тогда его жена станет твоей?

Нет. Тогда она будет жить с Акахатой.

– А если и он умрет?

У меня сильные и здоровые братья. Не то, что я.

– Ну, знаешь, как бывает, пацан, сильные и здоровые вдруг хиреют, и умирают. Или случай какой несчастный...

Видимо парень что-то такое почувствовал, ибо в голове тут же запульсировало.

Нет! Нет! Ты не посмеешь! Нельзя!

– Стоп-стоп-стоп! Ты чего, Хеху? – я даже руки поднял словно останавливая кого. – Я же так, просто рассуждаю.

Поклянись, демон, поклянись тем, что тебе дорого, что ты не тронешь мою семью!

– Да ладно, ладно. Клянусь! Не буду я им желать иль причинять зла... Если сами не полезут.

Ты поклялся, демон!

Да, пацан, перспективка у нас с тобой...

– Ладно, парень, не ссать! Теперь у тебя есть я. И хоть старшим в семье нам с тобой скорее всего не стать. Но и рас-

клады такие меня не устраивают. Так что, надо что-нибудь придумывать!

Наконец я разогнулся, осмотрел работу. На ладони лежал нож. Конечно, до тех ножей, что хранятся в различных музеях ему как средневековой телеге до гоночного болида, но он: «а» – режет, «б» – лежит в руке. Надо только чем-нибудь рукоятку обмотать.

– А теперь самое время кишку набить, – потянулся я.

Надо возвращаться домой.

– Зачем? – я искренне удивился.

А что тут есть? Вряд ли тут растет дикий батат.

Я завис, переваривая последнюю фразу.

– Хеху, подскажи-ка. А чем вы обычно питаетесь?

Новая порция удивлений – его семья ела в основном батат. Ещё мать изредка пекла лепешки из проса, для чего перетирала зерно двумя камнями в муку. Но просо росло плохо, его было мало, так что просяные лепешки шли за деликатес!

– Так, а рыба? Впрочем, понятно, не отвечай. Рыба дорогая и вы её не ловите.

Так, кажется, когда я подплывал, видел дальше по берегу кокосовые пальмы? Осмотрелся. Блин, с пляжа не видать ничего – сплошная стена растительности не только маскировала это место, но и не давала мне осмотреться.

Ладно, тогда водой.

Нет, подожди! Ты обещал не ходить в воду!!!

Хеху в моей башке чуть ли не взорвался воплями.

– Значит так, пацан, – я вздохнул, – запомни. Пока ты не препятствуешь мне, я забочусь о твоём теле и берегу его. И ничего плохого не сделаю. Ты уже забыл? Я демон морской. Значит я в воде, как дома. Так что просто ... расслабься, – я усмехнулся шутке, – и получай удовольствие.

Деревянный нож пришлось оставить на берегу, для задуманного он не подходил, а цеплять его некуда. Надо потом озаботиться какими-нибудь ножами. Да и поясом тоже. А то рассекаю, в «трусах».

Кремнёвый нож зажал в зубах – грести, когда одна кисть сжата в кулак неудобно – и вошёл в воду.

Хеху пискнул что-то и замолчал. Терпи, пацан. Раз мне в твоём теле жить, надо это тельце в порядок приводить. А то совсем дрищ-дрищем.

Поплыл. Будем вспоминать кроль. Вернее – учиться сно-ва.

Пока грёб небольшое расстояние, до замеченной ранее роицы, не отпускали панические мысли о скользких в глубине монстрах, только и думающих, как бы вцепиться в мой мягкий живот. Понятно, что это не мои эмоции, но чувствую то их я! И от этого у меня сердце колотится ещё сильнее, заставляя организм расходовать кислород ещё более активно. А вдыхать сквозь зубы, сжимающие плоский кусок камня, то ещё удовольствие. Поэтому, пока выбирался на берег, цепляясь за торчащие корни, пришлось провести ещё

одну воспитательно-успокоительную беседу.

На склонившуюся к воде пальму забрался без особых трудов, отсёк и сбросил в воду пару гроздей зеленых кокосов. Не утонул! И тут же бултыхнулся вслед сам, благо наклон позволял.

Временно отбуксировал «вязанки» кокосов к берегу. Повезло! Нашлись и лианы, срезав которые и размочалив о камни, я получил что-то типа веревки. На всякий случай срезал побольше.

А ещё рядом оказались заросли бамбука. Вот уж точно – счастье! Для начала нарезал немного тонких зеленых стволиков. А затем пришлось поискать сухие стебли. Причём не толстые – рубить или пилить мне их не чем. Но, в итоге, набрал охапку сухого.

Увязав всё богатство лианами, отбуксировал к пляжу. Пора устраиваться.

Но самым первым делом – взял один орех, примерился к камню, хрясь! Из появившейся трещины побежала жидкость – кокосовая вода. Задрав над головой, успел влить в рот пару глотков. Половина, не меньше, пролилась. Ну и фиг с ним, тут этих кокосов – хоть обожрись и опейся! Видать земляки Хеху сюда не заглядывали. Да и зачем им? Когда под боком такая роскошная лагуна?

Второй орех вскрыл аккуратнее: сначала острием кремнёвого ножа проковырял один из трех «глазков», поглубже, на сколько смог. А затем уже продолбил дырку тонкой бамбу-

чиной. Вот тебе, Скат, и коктейль: кокосовый орех с трубочкой. Эх, шезлонга нет, а то хоть делай фотки и отсылай Маринке, дескать, смотри, коза. Сетовала, что связала жизнь с неудачником? А неудачник в тропическом раю коктейли кокосовые пьет. А ты, как была дурой, так и останешься...

Ладно, прошлое в прошлом, надо думать о дне сегодняшнем. Жажду утолил, из расколотого ореха выскоблил мякоть, но пожрать хотелось бы чего-нибудь и посущественнее.

– Слушай, Хеху, а какие звери у вас тут водятся?

Сначала парень даже не понял вопроса. Но потом, в ходе диалога выяснилось, что окромя уже виденных мной ящериц – никого! Даже крыс, про которых тут периодически вспоминают, Хеху не видел ни разу. Птицы были, но сейчас их ловить нечем. А так – прям как в Новой Зеландии или на островах Микронезии – пока маори не привезли на своих лодках собак и крыс – считай одни птицы и жили.

С одной стороны хорошо – никакой варан или крокодил ночью не приползет и голову не откусит. И тигр из кустов не выпрыгнет. С другой – где брать белок? Людей земли я уже видел, большей частью, конечно, в воспоминаниях реципиента: пузатенькие рахитики. Ну а кто ещё может вырасти на одном крахмалистом батате, да на просяных лепешках? Мышц нормальных не будет.

Рыба? Рыба – это, конечно, хорошо, особенно тунец какой-нибудь – морская говядина. Вот только добыть эту быструю, мощную рыбину, весящую килограмм под двести? Да-

же не представляю как, в этих условиях.

Вся рыба в лагуне, а здесь – только та, что я видел в глубине. Не с гарпуном же мне за ней нырять? Без чего-либо метательного я её не достану, скорость, с которой человек может ткнуть гарпуном в воде, слишком мала для этого, добыча уйти успеет. Так что отложим пока на неопределенное будущее.

Моллюски... Хм, а что?

– Ну что, Хеху? Готов стать человеком глубины?

Остановись, демон! Это невозможно.

– Поверь мне.

Не делай этого! Солёная вода не место для человека!

Я вновь зашел в воду по пояс.

– Не отвлекай меня сейчас, пожалуйста, – самым серьезным тоном попросил я экс-владельца тела.

Вдох-выдох, вдох-выдох. Вдох – сквозь зубы, «свистелочкой», медленно и глубоко. Выдох – губы трубочкой, так, чтоб воздух сам выходил.

Наконец поймал то самое чувство, когда дышать сразу после выдоха уже не хотелось. Ещё немного, и появиться головокруго. Вот до этого доводить не надо – гипервентиляция перед погружением только во вред. Мышцы распустить, расслабить, нефиг лишний кислород жечь. Фридайвинг, как смеялся Михалыч, это анτισпорт. Спорт – это про напряжение и преодоление, а нырки на задержке дыхания – это про расслабление. А мы, подводные охотники, считай тоже фри-

дайверы.

Покачал головой, проверяя, чтоб шея не была зажата, там сосуды, питающие мозг. Затем неспешный полный вдох, от живота, постепенно заполняя лёгкие снизу вверх, до самых верхних отделов, чтоб ключицы распирало.

И позволил телу соскользнуть в воду.

Весь шум – ветер в кронах пальм, шелест широких листьев, плеск волн, крики попугаев – всё отсеклось. На смену пришло приглушённое ворчание прибоя, доносящееся как сквозь вату.

Тут же развернулся головой вниз. Гребок, ещё, ещё. Господи, какое же это офигенское чувство!

Именно из-за любви к глубине я поперся в бассейн после «дембеля» из ВМФ, в надежде получить место инструктора по аквалангу или как это стало модно называть – дайвингу. Нет, вначале, как ушел в запас, так думал: под воду – ни ногой. Максимум – на пляже с девчонками поплескаться.

Но прошло буквально полгода, и я затосковал. По колышущейся над головой поверхности, что отсекает тебя от остального надводного мира, от его звуков, от солнца, ветра... Зато дарит свои и звуки, и ощущения. Ощущения словно паришь в толще воды, как какая-то подводная птица, и волен плыть куда хочешь... Конечно, пока воздух есть.

Но в бассейне на меня посмотрели ... странно. Какой-то непонятный отставник, с неподтвержденным международ-

ными корочками статусом. Да ещё и не хочет рассказывать, где это он всему этому набрался. ... Ха! Кто б мне в ВМФ лицензию PADI выдал?

Мало ли, что где-то там я был подводным разведчиком и диверсантом, и опыта у меня, как у чемпиона мира рядом с деревенским учителем физкультуры...по моим же опять словам. Ведь главное, что тут придется дело иметь не с какими-то непонятными мичманами иль контрактниками, а с людьми приличными, с обеспеченными гражданами, за денюжку решившими попробовать себя в новой, насквозь героической ипостаси. Они, за свои бабки хотят приличного обхождения, надо понимать всю их тонкую душевную организацию, им приказ не отдашь. А ты, сапог, небось, только и знаешь «ать-два, левой!» да «на первый-второй рассчитайсь».

На «сапога», я тогда, по большому счету почти не обиделся, по крайней мере, тот высокомерный мальчик, что всё это высказывал даже с неповрежденным фейсом остался. Жалко стало дурака, это ведь он перед девочкой, своей напарницей по нелёгкой тренерской доле выёживался, а такое я понимаю.

Скрипнул зубами, развернулся и решил поскорее заполировать нанесенную мне душевную травму. Но был перехвачен невзрачным пузатым мужичком моих лет, что, пока я разговаривал с ребятами в футболках «Инструктор», плавал в ванне бассейна в толстом потертом гидрокостюме и про-

стых советских ластвах-дельфинах.

Это потом я узнал, что у мужичка свой бизнесок, новый «Паджерик», стоимостью в десяток годовых зарплат высокомерного мальчика. И он не рыбью мелюзгу по кораллам разглядывает и не на подводные красоты ахает, а предпочитает опускаться в глубину чтоб подстрелить что-нибудь крупное. Тунца, там, или группера.

Минуточку! Щелкнуло в моем мозгу. Стреляет? Да ещё под водой? А я, простите, чем до этого занимался?

Так я и узнал, что в области и свой, типа. клуб есть, и ныряют ребята в основном не в бассейнах. Правда, делают это на задержке дыхания, ибо с баллонами это уже браконьерство, но меня таким не удивишь. Опять же, когда не по приказу Родины, а в свое удовольствие, это, прям, совсем другое дело!

Так я и увлекся подводной охотой.

Без очков видимость в воде не лучшая, несмотря на всю прозрачность океана. Сразу за перегибом песчаной «ступеньки» дно обрывалось крутым склоном, терявшемся в темно-синей бездне. Пошел глубже.

Уши начало поддавливать. Автоматически сглотнул. Не помогло. Прижал пальцами нос и подвыдохнул. В ушах щелкнуло, болевые ощущения пропали. Ожидаемо, носоглотка не тренированная.

Наконец на глаза попала первая раковина. Подцепив но-

жом, оторвал. А куда девать? Ни сетки, ни корзинки. Эх, Скот, теряешь хватку! Почему сразу не подумал? Засунул за пояс трусов, авось не выскользнет.

Надолго меня не хватило, лёгкие начали спазматически сокращаться в позыве на вдох, пришлось всплывать. Совсем мало получилось, успел лишь пару раковин достать. Выкинул на песок, и начал готовиться к следующему нырку.

Вечерело. Я глянул на добычу: дюжина раковин средних размеров и две ящерицы, размером в локоть взрослого человека. Их я прибил камнями, когда ходил после купания ополаскиваться в набравшемся бочажке. На удивленные вопли Хеху, типа что это ты гад такой, питьевую воду портишь, пришлось провести разъяснительную работу, что ополаскиваться после соленой воды надо обязательно. И что пить из бочажка некипяченую воду я не буду. Мало ли что ты пил до моего подселения. А я вот лучше перебдю, чем буду мучаться животом. Или вообще загнусь от какой-либо кишечнораковой инфекции.

Я не буду это есть, демон!

Меня окатило отвращением.

– Ты не ешь, а я буду, – хмыкнул я. – И, вообще, скажи спасибо, что личинок не набрал. Это ж голимый белок!

Меня стошнит.

– Да не ссы. Или ты решил, что я сырьем их есть буду? Не, брат, сырых моллюсков я бы тебе тоже не посоветовал. Да

и ящерицы... Вроде не должны быть ядовитыми: не яркие, слизь не выделяют. Но термообработка не помешает.

Что?

– Запечем их. На костре.

Ты умеешь вызывать огонь?

– Хм... Твоя мама ведь готовит на огне? Так чем она разжигает?

Расщепил вдоль сухую бамбучину на три части, настрогогал-наскоблил тонких волокон на растопку. В одной половинке прорезал узенькую поперечную канавку, кончиком ножа ещё и проковырял насквозь. Под канавку подложил растопку и прижал ещё одной половинкой бамбучины. Воткнул третий отщеп в землю.

– Ну, пацан, работал когда-нибудь швейной машинкой?

И стал быстро-быстро тереть получившийся бамбуковый бутерброд канавкой о край вертикальной бамбучины.

Прежде чем показался слабенький дымок, успел взмокнуть, хоть снова мойся. Но дым есть, значит и огонь будет! Аккуратно раздувая и подкладывая щепу, добился крошечного огонька. После чего организовать небольшой костерок было делом времени.

И вот уже насаженные на прутики выпотрошенные ящерки устроились над углями, в которые я прикопал раковины.

Я думал... Ты простодохнешь огнем, и всё...

– Ладно, Хеху, проехали. Будешь мне доверять, мы с тобой таких дел наворотим. Ого-го! Только не называй меня

демоном. Поначалу, конечно, прикольно было, но мне привычнее Скат.

Скат? Так тебя зовут?

– Звали.

Я ещё посидел, уставившись в затянутое звездным покрывалом небо. Ни одного знакомого созвездия! Кстати, надо будет определиться со сторонами света, а потом и соответствующие звездные ориентиры запомнить. Мало ли, пригодиться.

Ну что, Скат? Пенсия? С посиделками на пляже под шашлычок из рептилий, да кокосовые коктейли. Жаль только, покрепче ничего нет. Но это – пока нет.

Или...

Или рано вам, кап-три⁴ Мантин расслаблять булки? Не все ещё вороги повержены. Есть и тут отдельные элементы, что не желают дать одному отставнику спокойно греть бока на пляже, да за девчонками ухлестывать.

Ладно, разберемся.

⁴ Для непосвященных: кап-три, сленговое сокращение от «капитан третьего ранга»

Глава 4. За информацией

Проснулся, как говориться «с первыми лучами». Солнечный диск на горизонте только-только высунул алеющий краешек из воды, тут же разделив на две части синюю полусферу. Теперь то, что ниже – это океан, а то, что выше – небо. Ночь сменилась утром – это тропики, тут фактически нет сумерек.

Блин, как же всё боли-и-ит!

Что ты со мной сделал, демон?!

Поморщился:

– Я не демон, я Скат, помнишь? И не я, а ты.

Я?!!

– Ты, ты. Только «не сделал», а «нё сделал» ... Я имею в виду, что это ты, своим неделаньем довел нас до того, что сейчас ломит мышцы. Мышечная крепатура называется.

Я не понимаю в ваших демонских заклинаниях.

– Слабак ты Хеху, вот что я тебе хотел сказать. Вчера мы с тобой и бегали, и плавали, и по деревьям лазили... Вот мышцы с непривычки и болят.

Я лазил по деревьям. Отец посылал меня собирать кокосы и бананы

– О! Здесь есть бананы? Хорошо... А то, что тело слабое, не переживай. С сегодняшнего утра начинается твоя новая жизнь, сделаю из нас с тобой настоящего мужчину.

Мужчиной я стану, после обряда посвящения.

– А вот сейчас, ты херню сморозил. На обряде, как на выпуске из училища, только признают, что ты – мужчина. Даже не мужчина, так, заготовка. А вот чтоб по-настоящему стать... для этого нужно время. И силы. И воля. И много-много пота. Собственно говоря, этим я и планирую заняться.

Встал, потянулся... и, несмотря на протесты в своей голове, занялся зарядкой. Господи, и как я буду дальше жить с этой, вечно причитающей шизой в башке?

Итак, как приводить в кондицию новое тело? Поскольку времени у меня – вагон, торопиться не буду. Начал с растяжек: стандартная разминка, от шеи и вниз, по всем суставам. На все болящие мышцы – двойную дозу, но аккуратно.

Следом – дыхательную гимнастику, кусочек из которой я использовал, готовясь нырять с обрыва. Этот простой комплекс мне показали уже на гражданке, и жаль, что не был с ним знаком ранее. Эффект – как от разныривания. Вначале неспешные вдохи-выдохи с разведением рук, чтоб восстановить газообмен в организме. Затем выдохи от диафрагмы, резко выталкивая воздух сокращениями мышц брюшины. После, на задержке дыхания: вращения руками, махи и т.п. И в заключении «вакуум» – хорошее такое упражнение, даже крайняя благоверная любила. Но ей-то для осанки, а мне – чтоб толерантность к гипоксии развивать. И так несколько кругов.

А затем стандартный комплекс, практикуемый и нашей спецурой и ихними «котиками». Круговая: отжимания, пресс, бёрпи, подтягивания... Блин, подтягиваться тут негде. Придется потом что-нибудь придумать. Но! Малой интенсивности, ибо перетрен «после вчерашнего», мне нафиг не нужен.

Недовольно отметил – в первом подходе всего семь отжиманий. Семь, блин!

– Ну, Хеху... Если ты не уважаешь свое тело, кто будет уважать тебя?

Уважение – это для старейшин. И вождя. Я простой земледелец

– Опять глупости говоришь.

С ногами, кстати, дело чуть лучше. Но – чуть! Эх-х...

Ночью много думал, не спалось. Как и ранее, упор надо делать на выносливость. Всё равно, генетику не обманешь, коль у Хеху и отец и дед не блистали арнольдовой бицухой, Шварца из меня не получится. Значит, как и раньше – ставка на скорость и ловкость.

После полез в воду, это вместо бега. До «кокосов» и обратно. Постепенно вошел в режим: вдох на два гребка, но это пока, буду наращивать. Так и пошел нарезать круги: гребок-вдох, гребок -выдох. Вдох из-под руки, выдох «бурбулируя» в воду...

«Весь покрытый зеленью (вдох)

Абсолютно весь (выдох)

Остров невезения (вдох)

В океане есть» (выдох)

Я и раньше, для задачи ритма при плавании и во время бега что-нибудь про себя напевал. Сегодня, почему-то привязалось вот это.

В итоге получилось десять кругов, потом просто перестало хватать дышалки. Эх, Хеху-Хеху...

Наконец рухнул на песок. А всего-то минут сорок прошло!

Я не могу двигаться! Что ты сделал со мной? У меня всё болит!

На счет «не могу двигаться» – чушь. Тебе себя просто жалко. Жалеть себя – плохая привычка, парень, с жалости к себе все проблемы начинаются. Запомни, никто тебя в этой жизни жалеть не будет, разве что мама, и та недолго. Вот и ты себя не жалея. Ну-ка поднялся, ленивая жопа, и марш умываться!

Позавтракал свеженаловленными моллюсками и кокосом. Протеин, это то, что мне сейчас нужно. На одном батате, считай картошке, я мышцы лишь угроблю. Кстати, желательно разнообразить белковый рацион ещё чем-нибудь. И надо вспомнить – ведь растут же в тропиках лекарственные растения, из которых можно тонизирующие настои варить? Эх,

оказалось бы тут кофе...

Ты когда собираешься домой вернуться?

– Зачем, Хеху? Тебя там ждут?

Но ведь нельзя жить вне семьи, вне общины!

– Ещё как можно! ... Впрочем, успокойся, я и не собираюсь. Никогда не мечтал стать Робинзоном, тем более тут та-а-акие девчонки... Но и тупо играть в возвращение «блудного сына» нам с тобой не с руки. Слишком уж убедительно тогда орал тот «людоед». Да и отец этого Кая, как его? Ситу. Тоже сомневаюсь, что остыл.

И что же мне... и что же ты собираешься делать?

– Мы, Хеху, мы. Раз уж так получилось... В общем так, боец, ближайшая задача – выяснить, что мы с тобой накосорезили и что за это грозит. И лишь потом – как из этого всего выпутываться. Ну, так что, идеи есть?

К-какие?

– Блин! Идеи, у кого инфу добывать будем? ... А-а-а-а! С кем поговорить можно, парень! Так, чтоб этот кто-то не побежал тут же стучать этим... людоедам. Ну?

Можно... поговорить с Хаэ́айтой.

– Это кто?

Сестра. Она всегда была добра ко мне. Вступалась, если ругался отец или подшучивали братья.

– Старшая, младшая?

Старшая.

– Замужем? Муж, дети?

Не. Жених есть, Эне́ле зовут. Но пока его отец добро не даст, обряда не будет.

– Понятно, – я отмахнулся, – детали потом. Лады, принимается, как рабочая версия плана. В общем, слушай боевой приказ: скрытно выдвинуться в поселение людей земли для встречи с потенциальным информатором. И получить у неё развернутую информацию.

Мелькнула мысль: за такую постановку задачи наш начштаба сожрал бы с потрохами! Усмехнулся: да ну и хрен с ним! Я боевик, а не штабист. Это он на каждую операцию заводил десяток планов, на все случаи жизни. Мой девиз, даже за годы службы не вытравленный: «Война план покажет!»

Перед выдвижением из лагеря экипировался. Из размочаленной лианы сделал что-то типа пояса, и пристроил кремневый нож на него спереди, параллельно земле. Идея так себе – как бы режущая кромка импровизированный подвес не перерезала. Можно в самый неподходящий момент без оружия остаться. Деревянный кинжал пристроил на правую икру, с внутренней стороны. Привычка, да и любой рукой достать можно. Раньше всегда водолазный ножик только там таскал. Вместо фляги на перевязь пристроил пару кокосовых орехов. Запас воды, и при случае можно неплохо метнуть... Кстати! Как я забыл про пращу? Ладно, сейчас ею занимать-

ся некогда, надо ещё и навык восстановить... скорее – заново выработать. Но как вернусь – обязательно.

Не знаю, что меня тут ждет, но, как говорил Аль Капоне: «Добрый словом и пистолетом можно сделать гораздо больше, чем одним добрым словом». Даже если вместо пистолета – праща и каменный нож.

Поскольку от пляжа действительно было не пройти, пришлось отплыть в сторону, за бамбуковую рощу. Там и выход на берег был подходящий, и вроде склон не такой отвесный.

Дорогу назад я плюс-минус представлял – двигался вдоль побережья, до знакомого обрыва, а дальше фактически по следам, в обратном направлении.

В поселок людей земли – а Хеху упорно разделял: деревня – это поселение на берегу, где жили рыбаки, воины, шаман и вождь, а скопление хижин людей земли – это «дом» – я решил дуром не переть. Как говорится: лучше перебдеть чем потом обделаться, и береженого сами знаете кто бережёт. Жаль только из средств визуальной разведки только глаза. Ну и ладно, глаза у Хеху зоркие, даром что в лесу живет, такое зрение, кстати, скорее можно было бы ждать от морехода.

Для начала изрядно покружил, вокруг предполагаемого места «рандеву с информатором». Чему Хеху, кстати, поначалу вовсе возражал, мол он это место знает как свои пять пальцев. Пришлось спросить: «А скажи мне тогда, не подглядывая, на каком из пальцев на левой руке есть заусенец?»

после чего «шиза в башке» заткнулась.

Я уже знал, что каждый день девчонки касты земли ходят к небольшому водопадику в сотне метров от крайних домов. Простирнуть одежду, набрать воды для готовки, почесать языками.

Как раз в этом месте склон горы заканчивался десятиметровым обрывом и переходил в плато, на котором, прямо посреди леса, и были поставлены хижины.

Там, где вода падала, образовалось даже не озеро, скорее – большая и глубокая лужа, в которую человек мог погрузиться до пояса. Берега же этой «купели» оказались выровнены и вытоптаны, что в свою очередь задачу усложняло – незаметно подобраться будет непросто.

Перебрал кучу вариантов, вплоть до на первый взгляд фантастических: обмазаться грязью и залечь под бережком или проползти по руслу, дыша через трубочку. Второй вариант отпал сразу – глубина в ручье дай бог по колено и вода прозрачная. Первый тоже отбросил – вряд ли получится поговорить с сестрой так, чтоб это было незаметно. Тогда вымазанный грязью человек привлечет куда как больше внимания.

В итоге просто затаился в кустах неподалеку, и, выбрав момент, когда девчонки уже собрались расходиться, кинул в спину сестре маленький, специально подобранный камешек.

– Эй! – встрепенулась Хаэата, оглядываясь. – Чьи это шутки?

Я, на секунду показал из кустов свою физиономию и по-манил девушку пальцем.

– Хеху? – изумилась та, и замолчала, увидев мои гримасы и прижатый к губам палец. Надеюсь, это всем понятный жест.

Оглянувшись по сторонам, сестра рассеянно приблизилась. Остановилась.

Блин, ну что она делает? Можно подумать разговаривающая с кустами девушка ни у кого не вызовет подозрений? Пришлось схватить за руку и втянуть в заросли.

– Привет.

Чтоб уменьшить силуэты я потянул её вниз, и мы уселись друг напротив друга на корточках.

Сестра Хеху резко отличалась от девчонок, виденных на пляже. Ширококостная, приземистая, с очень широко расставленными глазами на почти плоском лице. На голове – что-то типа венка из листа, уж очень похожего на папоротник, из-за чего «головной убор» напоминал зеленую корону. Фигуру скрывало «платье» из растительных волокон, прямое, закрывающее от подмышек до колен. Но, всё равно, я разглядел короткие полные ножки, а такие же пухлые ручки были на виду.

Однако по телу пробежала тёплая волна – Хеху явно был рад сестре.

– Братец, ты всё-таки жив! – Хаэата с трудом сдерживала слезы радости.

– Да что со мной сделается? – как можно небрежнее заявил я.

– А эти воины... Ну, что побежали за тобой... Они сказали, что ты упал с обрыва и утонул.

– Как видишь, – усмехнулся, – слухи о моей смерти несколько преувеличены.

– Это правду ты, братик, – сестра коснулась моей щеки, провела пальцами по лицу, затем потрепала по коротким и жестким волосам. – Так что же мы сидим? Пойдем скорей домой, надо обрадовать маму, отца...

– Сто-оп-стоп-стоп! – я изобразил останавливающий жест. – Не так быстро, сестрёнка. Расскажи-ка мне лучше, что говорят... ну, по поводу э-э-э... меня... и этого... как его? Водяного. И отца его... И того воина...

– Какого воина? – брови Хаэаты взлетели вверх.

– А что? Ничего не говорили? – удивился я.

– Я слышала, как Ману́ распекал одного из своих людей за неуклюжесть... Ты про это?

– Ману?

– Правая рука отца войны, – пояснила сестра. – Говорят ты ударил мальчика из касты людей глубин? Это был сын его брата.

– Ага, – кивнул я, – тот татуированный «людоед».

– Ты что, Хеху? – вылупилась на меня Хаэата. – В нашем племени нет каннибалов! Храни нас лесная заступница и все духи земли и моря от этих порождений...

На секунду мне показалось, что девушка осеклась в конце фразы, но поскольку меня интересовало другое, пропустил мимо сознания.

– Слушай. А что говорят о той драке? Ну, там, я ударил парня.

– Человека глубин, – поправила меня сестренка. Пожала плечами. – Это нехорошо, братик. Ты же знаешь – поднимать руку на людей этой касты – табу! Но у нас говорят, что Кай – так звали парня – ещё не прошел инициацию как полноценный ныряльщик, и сурового наказания быть не может.

– А что может?

– Не знаю, – опять пожала плечами девушка, – все же считают, что ты утонул.

– А как бы узнать? Просто, понимаешь, – принялся я пояснять, – когда этот... татуированный людо... Когда Ману заорал на меня, я так испугался... Что рванул куда глаза глядят, не помня себя!

– Наконец-то я узнаю тебя, Хеху, – с мягкой улыбкой говорила Хаэата, наклонив голову набок, – а то я ненароком подумала, что в тебя ночью вселился какой-нибудь злой дух! Больно уж ты странно говорил вначале. И взгляд... – её глаза тревожно скользнули по моему лицу, – мне показалось, взгляд у тебя стал другой.

Блин! Чуть не спалился! Эй, Хеху, ну-ка помогай! А то обвинят нас с тобой во всяком... А там и шаман со своей киянкой пожалует.

Как там Кири?

– Кстати, как там Кири?

– Кири? – улыбка на губах Хазаты стала лукавой. – Думаешь о ней?

– А то!

Так, Кири, кто это? А-а-а! В голове тут же замелькали весьма откровенные картинки, по телу пробежала сладкая дрожь. Точно! Это та подруга Хазаты, что «пожалела» пацаненка-девственника... Кстати, ну и страшная же она! Более толстая и рыхлая копия сестренки.

Не смей так думать о Кири! Она... Она... хорошая!

Да-да, парень, понимаю, первая любовь, первый секс в жизни, всё такое...

– Я вижу, – понимающе покивала Хазата, – ты на неё запал... Я расскажу, что видела тебя, – подмигнула девушка, – и передам привет.

– Да, конечно! – против воли чуть ли не выкрикнул я.

Так, пацан, стоп. Мы тут не вагиностраданием занимаемся, а проводим разведмероприятие. Ну-ка отставить вмешательство в процесс!

– Так всё-таки, ты сможешь узнать, что мне грозит? Просто... мне пока страшно вот так появляться...

– Бедный малыш Хеху, – сестрина рука опять коснулась моей щеки, шутливо щелкнула по носу, – конечно я узнаю.

– Вот и хорошо! А я завтра буду ждать тебя здесь же!

Остаток дня посвятил обустройству – расчистил себе «комнату» в зарослях, небольшую, три на пять метров, причем так, чтоб оставалась «зеленая стенка» перед пространством на берегу, – «прихожей». Или «верандой у моря», как посмотреть.

Чтоб не сидеть на песке, по-быстрому соорудил подобие шезлонга. На мое счастье, тут растет бамбук – универсальный стройматериал, хоть дома строй, хоть мебель, можно и оружие. Кресло получилось корявенькое, но меня выдерживало, и позволяло развалиться в удобной позе, а большего мне и не надо. Сделал в уме пометку – надо ещё чем-то типа кровати озаботиться, чтоб не на песке спать. Но это – позже.

А пока, нужно тренироваться. Три цикла круговой, потом нашел за бамбуковой рощей небольшой, вполне проходимый участок метров в сто пятьдесят, в горку. Сделал два ускорения, и чуть не блеванул, видимо упал сахар в крови.

Ну что ж, самая очевидная причина – недоедание. Я тут пытаюсь «строить» тело, а мне его и строить то не из чего... И в магаз не метнешься... В общем так, Скат... и Хеху, кстати. Вопрос добывания пищи надо ставить на поток.

– Где, говоришь, тут бананы растут?

За бананами надо идти к самой лагуне. Это мимо нашего дома и дальше, по побережью.

Прикинул... Хм, не близко. Ладно, завтра, после встречи с сестрой надо будет прихватить вязаночку. А пока: кокосы, моллюски, может опять ящерицы попадутся.

Давай без ящериц? Они же ... противные!

Не, братан, без вариантов! На одних моллюсках далеко не уедем, там белка хоть и не меньше, чем в той же говядине, и усваивается он легче, но набор аминокислот беднее. Так что мясо животного происхождения нужно... Эх, были бы у вас тут коровы...

А что это?

– Теперь не важно...

В памяти всплыли здоровенные «бревна» глубоководных рыб, которых заметил, когда собирал ракушки. Но они ходили куда как глубже, чем я опускался. Впрочем, как раз это я собирался устранить – лёгкие постепенно разовью и к гипоксии организм приучу, так что до жирных рыбин рано или поздно доберусь. Но чем их бить? Гарпуном под водой так не ткнешь. Значит надо придумывать что-то метательное. Резины бы... Да где её тут возьмешь? Как выглядят пальмы-каучуконосы я не представляю. Соорудить пневму – даже думать не стоит, при здешнем уровне развития технологий. Арбалет? ... Хм, ну не знаю. Распрямление плеч будет тормозиться водой, опять же тетива нужна не размокающая... Но надо попробовать, вдруг чего и получится?

Я даже мысленно представил здоровенные куски тунца, запекаемого на углях... Сглотнул.

Кстати, тут удивительно прозрачная вода, раз я без очков или маски смог разглядеть рыбу на таком от себя расстоянии.

Второй вечер в новом для себя мире и в новой жизни я опять провел на «веранде»-пляжике, перед костерком.

Над углями очередные ящерицы, числом три. Видимо не привыкли, что на них здесь охотятся, вот и легко добываются. Пригоршня ракушек, запечённых в тех же углях. Сегодня я озаботился импровизированной авоськой, поэтому за нырок успевал отодрать от скалы три или четыре штуки. Но время на задержке дыхания слишком маленькое. И мало того, что объем легких никакой. Так ещё и Хеху всякий раз, как только лёгкие начинало только-только «поджимать», впадал в истерику, с которой я уже ничего сделать не мог: выброс адреналина, учатившийся пульс, бешено скачущие панические мысли – всё это сжирало остатки кислорода мигом.

– Кстати, а кто такие, эти «люди глубин»?

Я откинулся на спинку шезлонга.

Я почти ничего про них не знаю. Разве что живут в воде и ныряют за жемчугом.

– Ого! Вы тут знаете жемчуг?

Как знаем? Я про него только слышал. Чтоб выменять даже самую маленькую жемчужинку надо очень-очень много батата и просо.

– Понятно. А рыбы надо меньше... А зачем вам вообще этот жемчуг?

Как зачем? Только на жемчуг меняют свои товары приплывающие торговцы. Ничего другого они не берут!

– Ага! Здесь есть торговцы? Ты не говорил раньше
А ты не спрашивал.

– Тоже, верно. И откуда они берутся, эти торговцы?
Их ещё зовут люди паруса, у них своя каста. А берутся? Приплывают. Из других земель

Всё-таки остров... Хотя, о чем это я? На Русь торговцы тоже приплывали. В том числе и по рекам. Так что это ещё ничего не значит. А жемчуг здесь, выходит, вроде международной резервной валюты. Оно и понятно! Чего ради везти за море мешок батата или сушеной рыбы... Кстати, рыба, скорее всего там и своя есть.

– А чем торгуют, эти торговцы?

О! Всякими диковинками!

Я подобрался. Если сейчас речь пойдет про стеклянные шарики, или бусы, то...

Например, они привозят красивые платья...

Я как наяву увидел платья, явно из крашеной ткани, но фабричным производством тут и не пахло

Энеле обещал сестре, что подарит такое к свадьбе. Они очень дорогие! ... А ещё очень удобные кувшины...

Понятно. Неплохие гончарные изделия... Хм, тут своей что ли глины нет? И тоже – самое обычное ручное производ-

СТВО.

– А ещё чего?

Ну... много всего. Я лишь это видел.

Да уж, информатор хренов. Повезло мне с тобой. И чего в тело какого-нибудь вождя не закинуло? Ух, и наворотил бы я тут делов... Хотя, если положила руку на сердце... Мне б пожить спокойно. В свое удовольствие.

Утро началось с зарядки. И хоть мой реципиент ворчал и канючил, я опять подорвался с первыми лучами солнца.

Разминка, дыхательные упражнения. Круговая. Ну, надо же! На первом круге – восемь отжиманий! Расту!

После – плавание. На этот раз маханул от кокосов до обрыва, с которого прыгал в первый день. Нырнул, подавшись исследовательскому соблазну – вдруг что интересное нарою? Восходящее солнце помогло разглядеть такой же крутой, заросший губками уходящий в тёмную бездну склон, как и рядом с «базой». Тут даже похуже будет – на тех глубинах, куда я пока доныриваю даже моллюсков мало. Метров на десять надо уходить, не меньше, там вроде как заметил крупные раковины. Кстати, сильно ниже по склону мое внимание привлекло какое-то тёмное пятно. Хм? Что это? Пещера? А может просто небольшое скопление каких-нибудь чёрных водорослей... Впрочем, что гадать – разовую лёгкие, донырну

и посмотрю, а пока нафиг из головы, есть вопросы поважнее.

После тренировки мышцы побаливали, но уже меньше. На завтрак опять ракушки и кокосы. Как бы почки не угробить на такой диете, тем более Хеху до моего появления был почти чистым веганом. А тут белок, белок и ещё раз белок. Но развиваться надо. В этих обществах физуха рулит. Не абсолютно, конечно, правильно родиться это тоже сильный козырь, в игре под названием «жизнь». Но если ты дрищ – то тебе вообще ничего не светит. Вон, даже «хорошо родившийся» Кай – вполне себе атлетичный.

В поселок выдвинулся чуть позже, чем вчера, у старого кремнёвого ножа уже повыкрошилась режущая кромка. Хотел озаботиться новым, но видимо навык ещё недостаточно вырос, чтоб забалачить себе новый ножик быстро. Отложил пока заготовку.

Придя на место, немного покружил, разнюхивая. Но всё казалось обыденным, плюс Хеху стал опять канючить. К тому же этот «Ромео» категорично заявил, чтоб через Хаэату я вызвал к нему Кири. Хочу, говорит, Кири, и всё тут! Блин, тут буквально разведвыход, а он яйцами думает!

Сестру я поджидал всё в тех же кустах. Вот она пришла, с большим кувшином, набрала воды... Видно же со стороны как мнётся, и чего-то ждёт. Ну, сестренка, не пались ты так явно! Могла бы и побольше с подружками потрепаться...

Ладно, я понаблюдал за девушками достаточно долго.

Вроде всё норм. Всё, как и в прошлый раз: кто стирает, кто воду набирает, кто посуду моет, кто треплется.

Подкинул на ладони маленький камешек, чуть выдвинулся из густой листвы...

Хаэата наверно ждала меня, ибо кидать в неё не пришлось. Тут же обернулась.

– Тс-с-с... – я прижал палец к губам, поманил её к себе.

Хаэата стояла столбом, не сводя с меня взгляда... Взгляд! Ох, черт!!!

Рванул с места. Два шага – из-за разлапистого куста ко мне метнулся татуированный мужик. Поднырнул под мелькнувшие руки – слишком уж у нас разные массы, чтоб вступать в противоборство.

Тут же изменил направление бега. Следующий абориген ждал, что я буду бежать по прямой и тоже остался ни с чем.

Блин! Ещё один. Как кабан сквозь камыши наперерез кинулось мускулистое тело. Успев зацепиться за ствол дерева, ещё раз резко изменил траекторию движения, вывернулся.

Сзади трещали кусты – ломаются уже напролом. Но сзади – пофиг. Что там впереди?

Снова чуть повернул, поднажал ещё. Не догоните!

Выбивая воздух из лёгких в спину что-то ударило. Тяжёлое. Меня бросило вперед.

Хрен вам! Я мордой вниз не падаю – автоматом ушел в перекат.

И уже снова вскакивая на ноги вцепился головой прямо в

живот словно из ниоткуда взявшегося ещё одного загонщика.

Эх, была б у меня масса чуть больше – снёс бы его к чертям собачим с пути, скорость я набрал уже приличную. Но доставшееся мне хлипкое тельце влетело в преграду как в мат, подвешенный на бетонную стену. Бум!

И в следующую секунду тяжелый удар, обрушившийся на затылок, выключил свет.

Очнулся. Голова болит и подташнивает, во рту привкус крови. Понятно, знакомо, сотрясение мозга. Плечи ноют – руки вывернуты назад и туго связаны. Сам лежу на земле. Вот такая диспозиция.

– Я вижу он очнулся. Поставьте-ка этого крысёныша на ноги и дайте ему хорошую затрещину, чтоб быстрее в себя пришел.

Знакомый голос. «Людоед» ты? Или как там тебя? Ману́. Меня рывком вздёрнули за плечи. Тот, кто это сделал, там же и остался, контролируя и придерживая мою тушку.

Хоть в глазах по-прежнему калейдоскоп, разглядел перед собой замахающуюся фигуру.

– Не сбивай руки, я в сознании, – бросил как можно независимее.

Бамц! Увернуться, когда тебя держат за плечи почти нереально.

Новые искры из глаз, голова мотнулась, словно мячик на

веревочке.

Сплюнул. Пошатнулся.

– Какие тупые у тебя люди, Ману. Будут исполнять команду, даже если в ней уже нет смысла.

*Я пропал! Мне конец! Как мне сказать им, что это не я?
Как рассказать про демона?!*

Не стал реагировать. Не до сбрендившей от страха шизы.

– Какой-то он разговорчивый Ситу...

Я, наконец, сфокусировал зрение. Ага, вот они, два брата-акробатца. Стоят плечом к плечу передо мной. Понятно, тот, у кого плечи, грудь и главное рожа – все в татухах в виде квадратных и треугольных спиралей, тот Ману. Ещё и ожерелье на шее из сушёных ушей. Богато трофеев!

Другой, такой же высокий, накачан меньше, но всё равно атлетичный и лицо чистое, без татушек. Лишь на плечах какие-то круги и волны, да в районе ключиц какие-то косые полосы вытатуированы. К тому же вместо плетёного фартука на причинном месте, одежда представлена набедренной повязкой из светлой ткани. Ого, по местным меркам круто. Этот видимо Ситу.

Ману взгляделся мне в глаза, потом спросил, с издёвкой.

– Ты, наверно решил, что здесь самый умный?

– А ты хочешь сказать, что я ошибся? – вернул усмешку. Получилось не очень.

– Сопляк, – Ману наклонился мне к самому лицу. Странно, ни торжества, ни злости я не заметил. – Ты родился, чтоб

возиться на своем участке в лесу, растить батат и просо. Я не знаю, хорошо или плохо это у тебя получается, но это – твоя жизнь. А я, – он коснулся пальцами своей груди. Не ударил кулаком, с вызовом. Просто коснулся. – я родился ловить таких как ты, будь это на нашей земле или на какой другой. Это – моя судьба и мое дело. И делаю я его хорошо, – он выпрямился, оглянулся на Ситу. – Можешь говорить с ним, брат, он тебя понимает.

– Ты знаешь, кто я? – выпучил глаза шагнувший вперед Ситу.

Я попытался независимо пожать плечами, но уж слишком хорошо их стянули.

– Без понятия, – выдавил с видимым усилием.

– Я – отец глубин. Я – главный в касте людей, что поднимают со дна слёзы богини. Ты знаешь, что полагается за покушение на одного из моих людей?

– На тебя я не покушался, – вновь пришлось сплюнуть кровь. И когда мне умудрились губу разбить? – А твой сын, ещё не человек глубин. Он посвящение не прошёл!

– Кто ж тебе такое рассказал, крысёныш? – усмехнулся со стороны Ману.

А Ситу, не обращая внимания на реплику брата, продолжил нагнетать.

– Зато он мой сын! – выкрикнул взбешённый отец. – Ты, жалкая земляная крыса, выползшая из своей норы. Ты посмел ударить его! Его! Кто может стать лучшим в нашем пле-

мени!

– И всё равно, – говорил я с трудом. – Это не по правилам. *Я не виноват!!! Это демон во мне говорит!!!*

– Правила? А кто здесь будет следить за правилами? – хищно осклабился старший над ныряльщиками.

– Не забывай, уважаемый Ситу, что здесь наша земля, – раздался скрипучий голос сбоку. – И Хеху, хоть и непутевый, но сын нашей касты.

Я покрутил головой, наконец «навёлся» на толпу мрачных, потупившихся мужиков. На фоне крупных братьев мужики смотрелись низкорослыми, более квадратными, высохшими, хотя многие с пузиками. Ручки-ножки жилистые, но почти без мышц. Из одежды – верёвочные «стринги» с «написниками» – что-то вроде чехла для детородного органа, у кого из сушёного стручка, у кого из чего-то типа выдолбленной тыквы.

Впереди незнакомый седой старик. На бёдрах – такие же «трусы» как у меня, но из светлой, некрашеной ткани. Это ткань, не тростник размочаленный. А в седых волосах, что-то типа венка из листа типа папоротника. Догадался: «Старейшина».

– Мой сын виноват, – подтвердил стоящий рядом со стариком ещё один мужик. Кучерявая шевелюра тоже уже сидит, как и реденькая борода. На голову ниже Ситу с Ману, и хоть шире их в плечах, но ручки и ножки явно слабее, хотя и перевиты жилами. В глаза бросалось бочкообразное тело,

крупные кисти рук, широкое лицо и мощный мясистый нос.

– Он виноват, но не заслуживает смерти, – закончил мысль отец Хеху.

– А кто здесь говорит о смерти? – хищно ухмыльнулся Ману.

Верещавший от ужаса в моей голове Хеху тут же заткнулся.

– Твой сын, земляной, понесёт наказание. Но это не смерть.

В животе засосало, словно там образовалась пустота. Что ещё? Хуже смерти?

Только не смерть! Не смерть! О боги! Жить, жить, любой ценой!!!

Слышь, пацан. Иная цена будет повыше жизни, так что не радуйся, раньше времени.

– Поскольку за виру⁵ ни с него, ни с тебя взять нечего, твой сын будет обязан отработать свой проступок, – с надменной каменной мордой проговорил Ситу. – Поскольку он напал на моего сына, и это могло помешать тому готовиться к испытаниям... то Хеху будет обязан поступить к нему в услужение...

По рядам стоящих здесь же людей касты земли пробежался ропот.

– Он не может пойти в услужение к твоему сыну! – опять

⁵ Понимаю, что «вира» – это термин «не отсюда». Но зато он понятен. Так что буду пользоваться.

выступил седой старик. – Он сын земли! Да, наш труд мало ценится, но это наш труд! Только люди вне каст идут в при-слугу!

Пускай! Пускай я потеряю свое место в касте земли! Но я останусь жить! И даже буду накормлен, и мне будет, где спать!

Что ты несешь, пацан? Ты хоть понимаешь, чего ты хочешь? Я не большой специалист во всяких примитивных обществах, но знаю чётко одно – человек вне касты, это дно. Это неприкасаемый! Иной раз это хуже смерти.

Ну и что! Да мне и так ничего не светит! Думаешь после смерти отца, братья не выгонят меня из дому? Скажи отцу глубин что я согласен. Скажи!!! Или я сам!

Да вот те хрен! Зашибись! Попал на пенсию! Устроился в теплое местечко! Да я в прошлой жизни хоть что-то имел...

Тем временем Ситу приблизился ко мне почти в плотную и негромко прошипел.

– Не надо было убегать в прошлый раз, крыса. Навалили бы тебе, тем бы и закончилось. Но ты выставил меня дураком перед местными жителями. Перед братом! Перед его воинами! ... И хуже всего... – он сделал небольшую паузу, лишний раз смерил меня взглядом, – перед моей кастой!

Я отработаю! Я буду стараться изо всех сил загладить вину! Я сделаю что угодно!!!

Что ты несешь? Думаешь, тебя простят? Думаешь, станешь жить на положении шныря, и всё тебе забудется?

– Хреново, когда какая-то крыса выставляет дураком? – неожиданно для окружающих ухмыльнулся я прямо в рожу. И добавил еле слышно, – А знаешь что?

– Что?! – наклонился прямо к моему лицу Ситу, тараща глаза так, что они у него вот-вот из орбит повыскакивают.

Здоровый мужик. Хоть и не качок. Впрочем, как для ныряльщика, так всё-таки слишком уж мускулистый. Головы на две меня выше... Но сейчас-то мы почти сравнялись. А мне только того и надо! Я отклонился, словно от нависающей от меня каланчи, ещё чуть-чуть запрокинулся назад, уперевшись в грудь позади стоящего воина...

– Да я лучше сдохну на свободе, – выкрикнул я, – чем буду прислуживать!

He-e-e-em!!!

И резко сгибаясь на выдохе, – Хек! – от души, залепил лбом ему в раздувшуюся носопырку!

Оружие у меня отобрали. И кремневый нож и трофейный деревянный. И пояс сняли, оставив всё в тех же «трусах». Но никто не догадался смотать с запястий аналог напульсников, которые я намотал туда чтоб побереечь неокрепшие суставы ещё перед тренировкой. А потом, по какому-то наитию или по старой-доброй паранойяльной привычке, ещё со службы, засунул туда небольшой тонкий кремнёвый отщеп. На всякий случай. Видимо – вот на такой.

Ещё валяясь на земле, я по-тихому разминал кисти, восстанавливая кровообращение. Потом, когда смог достаточ-

но уверенно шевелить пальцами, извлек каменную «бритву» и спрятал в кулаке. И потихоньку всё это время пилил веревки. Чтоб никто ничего не заметил, я буквально вжался в стоящего за моей спиной воина. Изображая пошатывание, переноса вес справа налево размял ноги. И всё это время прикидывался, что ещё недостаточно оклемался, хотя на удивление, организм Хеху оказался довольно крепок!

Ситу буквально отшвырнуло от меня! И хоть массы у нас несравнимые, но нос – это нос. Болезненное место! Плюс – эффект неожиданности, так что один противник оказался выключен.

Стоящий позади меня тоже на мгновение опешил. А мне больше и не надо! Сцепил обе руки в замок перед грудью, и, скручиваясь корпусом, додавливая левой руку правую, из всех сил вlepил охраннику локтем в пах. Н-на!

Воин взвыл дурным голосом.

Шаг в сторону, назад, и вот я уже позади стоящего в позе буквы «зю» аборигена. Толчок двумя руками этой скрюченной фигуры на приходящего в себя Ситу, разворот... и буквально буксанув босыми пятками по утоптанной земле я рванул в джунгли.

Часть 2 В бегах.

Глава 5 Рекогносцировка

На этот раз от погони я ушёл даже как-то легко. Во-первых, была небольшая форa – того воина, что должен был меня контролировать, я привел в недееспособное состояние. Ситу тоже оказалось не до побегушек, но я ему расквасил знатно. Ману, похоже, и не собирался меня преследовать лично, рассчитывая на своих бойцов, а бойцы... те просто «зевнули». Ну, кто мог ждать подобного выверта от робкого хилыка-задохлика, если верить отзывам тех, кто знал Хеху?

Во-вторых, местность уже не была незнакома. Ещё приходя к поселку в первый раз, я достаточно хорошо осмотрел округу и особенно – возможные пути отхода. Так что очень небольшой, прикрытый широкими листьями, наполненный мутной водой и на взгляд очень мелкий бочажок в корнях пальмы был уже разведан. В общем, если бы за мной гнались местные, тоже знающие округу, как свои пять пальцев, может быть, кто-нибудь и ткнул бы в подозрительное место палкой. Или копьем. Но погоня была не из местных. В смысле – не из людей касты земли. И когда я коротким спринтерским рывком разорвал дистанцию, а потом тихой мышью, стараясь сдерживать частое-частое дыхание шмыгнул в эту норку,

пущенные по моему следу воины просто протопали мимо.

В этой норе, погружённый в холодную жидкую грязь, я и пролежал до глубокой ночи, дыша лишь выставленным на воздух носом, глубоко под разросшимися корнями.

Заодно было время поразмышлять, благо реципиент, кажется, впал в тихую истерику, и лишь скулил да плакался где-то на заднем фоне сознания.

Ну что сказать? Надо признавать – теряю хватку. Да-а-а... Расслабила меня гражданская жизнь. Попади я в такой переплет лет пять-шесть назад или прямо после службы, наверняка столько косяков не допустил бы.

Это ж надо! Проводить мероприятие, не разведав местности вообще! То, что я побродил пару-часиков вокруг посёлка – это вообще ничего не значит. В бытность сидел бы сутки над картами и фотоснимками, а потом ещё столько же ползал на брюхе, чтоб увязать «кабинетную» картинку с местными ориентирами.

В какой стороне пресловутая деревня? Какое время реагирования местных сил самообороны? Какой контингент может выставить лично этот Ману, судя по слухам – первый зам местечкового министра обороны? Ща как подтянет растатуированный батальон, выстроит цепью, и пойдут чесать частой гребенкой, тыкая во все подозрительные места.

Вообще, с каким нарядом сил могу столкнуться, номенклатура вооружений, транспортные средства? Вот ломанул-ся бы на знакомый обрыв, в надежде сбросить хвост нырком

с головокружительной высотой... А внизу уже пара пирог караулит, с местными «боевыми пловцами». И чего делать?!!

Не, Скат, кончай хернёй страдать, и давай, вспоминай, чему там тебя Родина научила. Рано, видать, на заслуженный отдых. В местных условиях – не заслужил ещё.

Поздней ночью, выждав не меньше часа после того, как на джунгли опустилась тьма, я выбрался из убежища. Хорошая нора, жаль, во второй раз использовать чревато. Если погоня будет терять меня на одном и том же месте, могут в следующий раз и повнимательнее позаглядывать под каждый кустик.

Тихо? Некоторое время я напряжённо прислушивался, закрыв глаза. В смысле – ничего постороннего. А так-то – какие-то цикады местные заливаются, или как их там? Ветер в кронах шумит, да стволы деревьев поскрипывают. Птицы ночные перекрикиваются. Пахнет сыростью, да прелой листвой.

Но ничего, похожего на движение человека по лесу. Даже очень подготовленного человека. Тихо.

Ну что, на пляж? Покачал головой, потом вздохнул – сколько я здесь? А вот уже и привычка с самим собой разговаривать образовалась. Стараясь двигаться как можно бесшумнее, я двинулся в сторону посёлка.

Перекаतिकом, с пятки на носок, малыми шажочками, колени подсогнуть чтоб нога пружинила. Босые ноги только

способствовали, я буквально успевал почувствовать подошвой, что наступаю на что-то способное издать звук. Остановки через неравные промежутки, чтоб прислушаться. Я тенью скользил туда, откуда полдня назад мчался со всех ног.

А вот и домá. Хоть луны за кронами не видно, но света звезд хватило, чтоб всё хорошо рассмотреть. Поселение как вымершее. Ни огонька, ни шатающихся запоздалых пейзажей, возвращающихся с затянувшихся посиделок «у кума».

Ти-ши-на.

Кстати, собак здесь нет. Не местность, а мечта диверсанта. Помнится я читал, что где-то вместо собак бойцовых петухов держали? Но и такого здесь не водится.

В который раз по кругу обошёл поселение. В плане домики образовывали подкову, с небольшой пустой площадкой. Замыкало подкову большое разлапистое дерево, рядом с которым меня и допрашивали.

Тридцать восемь, почти типовых хижин, отличающихся, пожалуй, лишь размерами, да и то немного, и давностью постройки. Никакого «орднунга», сплошь милая русскому сердцу хаотичная застройка: «А я сюда дом воткну. Вот как? Тогда я вот так поставлю!» Расположены довольно близко друг у другу, несмотря что места у них тут – хоть отбавляй. И никакой стены вокруг, чтоб пытаться уместиться внутри. Тогда зачем так тесниться?

Ни заборов, ни огородов, ни даже столбиков с натянутыми бельевыми веревками. Разве что, у некоторых хижин что-

то типа пристроек – крыша на столбиках. Наверно местные сараи.

«Просто какой-то рай для домушника» мелькнула мысль, прежде чем я всё такой же бесшумной тенью скользнул к ближайшему дому.

На входе вместо двери – циновка. Заглянул. Внутри, конечно, темнота, правда, не прям «глаз выколи»– какие-то слабо различимые очертания вижу. Но, не более того. И хоть на спящего не наступлю – их вполне чётко различаю по дыханию, можно даже плюс-минус посчитать, сколько в доме народа, но обшаривать незнакомую территорию с риском наступить в какой-нибудь горшок не буду.

У следующего дома нашел то, за чем, собственно говоря, сюда забрался – глиняный горшок, литра на три, сушащийся на колу. Прихватил и пару висящих рядом глиняных мисок. Кстати, и вот эта плетеная корзина в виде высокого цилиндра пригодится. Если приделать лямки – можно как небольшой рюкзак использовать.

Более ничего полезного не нашёл и тихо растворился в окружающих поселок джунглях.

До пляжика добрался без приключений – дорога уже хоженная, плюс, когда вышел на берег, огромная луна, что висела в ночном небе, залила всё теплым, желтоватым светом.

Большая, отметил мимоходом. Вот странно, звёздное небо абсолютно незнакомое – ну не мог же я настолько за-

быть созвездия южного полушария? А луна, фактически как на Земле.

«Позаимствованные» в поселке вещи пришлось оставить у бамбуковой рощи, чтоб не плыть по темноте нагруженным. Лучше сделаю это днём, при свете.

Океан поражал! Словно насыщенная маленькими искрящимися светодиодами вода светилась изнутри, создавая фантастическую картину.

Знакомое дело – биолюминесценция. Мельчайшие организмы – планктон, излучал свет, создавая волшебную картину.

Теплая вода радушно приняла уставшее и побитое тело в свои объятия, и от меня, как волны от брошенного камня во все стороны разбежались яркие всполохи. Я уже не помню, почему светится планктон, помню, что это как-то связано с трением этих живых организмов о воду. Когда-то подобное явление приходилось держать в голове, как демаскирующее, сейчас же я просто лишний раз подивился красоте и разнообразию мира.

Хоть погони не ожидал, но всё равно, решил плыть к пляжу аккуратным «безвсплесковым» брассом. Пройдя полдистанции, поддавшись какому-то неосознаваемому порыву нырнул. Света миллионов малюсеньких рачков вполне хватало, чтоб я смог разглядеть очертания уходящего в темную бездну обрыва.

Сделав несколько гребков в глубину, я вытянулся, отдава-

ясь инерции. моё тело, ничтожная песчинка для такой толщи, застыло без движения, и я растворился в ощущении струящейся вокруг тела воды, вливая в себя через глаза всю красоту ночного океана.

Наверно впервые в жизни, я просто наслаждался окружающей картиной. На службе всё было иначе. Там над головой висела задача, график движения, контрольные точки. Вместо окружающих красот глаза сканировали компас, глубиномер и часы, еле светящиеся перед лицом, а сквозь толстый неопрен гидрокостюма было не до ощущения ласковых струй.

Внезапно, какое-то движение на границе видимости привлекло моё внимание. Легкий холодок пробежался по спине. Акула? Да, Скот, это тебе не на заброшенных карьерах нырять, тут вместо комка спутанных сетей или растопыренных пальцев ржавой арматуры совсем другие опасности. Хотя, если верить статистике, нарваться на акулу-людоеда шанс всё же меньший, чем влететь в необозначенные ничем браконьерские сети. Да и что ей тут делать? Наверно за долгие-долгие годы я первая крупная тушка, решившая искупаться у этого берега. Спокойно, боец, нет тут акул.

Воздух в легких кончился, и я в несколько взмахов руками вновь оказался на воздухе. Эх, мне бы ласты! Без них я себя чувствовал в воде стреноженным, но, по понятным причинам, думать о них сейчас – всё равно что думать о батискафе или атомной субмарине.

Вскоре, я пошатываясь выбрался на песок пляжа, и, решив, что ужином заморачиваться поздновато, завалился спать.

Утро. Помимо всё ещё побаливающих мышц болели потянутые плечевые суставы – это когда мне руки вязали, да гематомы от плюх, оставленные разошедшимися в азарте погони воинами. Ощупал лицо – левый глаз заплыл. Красавчик!

Но всё равно – растяжки, дыхательная гимнастика, круговые. Нырнул за моллюсками, сплавал за кокосами и сухим бамбуком, заодно и позаимствованную керамику переправил.

За завтраком соизволила проснуться «шиза».

Зачем ты так сделал?

Меня окатило гаммой сильных эмоций, от обреченной безысходности до сдерживаемой злости

Ведь мне уже ничего не грозило!

– Тебе? – я хмыкнул. – Возможно. А вот мне грозило нечто более страшное, чем смерть.

Что может быть хуже смерти?!

– Та жизнь, что нам уготовил этот хмырь, – ну что за дела? Словно ребенку объяснять приходится. – Вернее – НЕ жизнь, ибо я так жить точно не буду. И ты, соответственно,

тоже, – словно приговор зачитывая проговорил я.

Да что ты знаешь о моей жизни?

Хеху вскипел словно чайник

Духи не захотели, чтоб я родился в семье вождя или воинов. Значит надо принять то, что тебе уготовили боги, и не жаловаться! И если боги сказали, что мне суждено прожить жизнь, помогая юному человеку глубин – значит это моя участь. Это воля духов.

– Да хер на твоих богов и духов! – теперь уже не выдержал я. – И на судьбу тоже! Человек сам, слышишь, пацан, сам творец своей судьбы... – подумал немного, поправился чуть тише. – В известных рамках, конечно. Раз не оказалось под боком железа и технологий, космический корабль иль «Наутилус» мы с тобой вряд ли построим. Но добиться лучшей участи... – вздохнул. – Это в наших силах... И более того – это наш долг!

Перед кем?

Я на несколько секунд задумался. Затем выдохнул.

– Прежде всего – перед самим собой. И тем, кто дал второй шанс. И если я этот шанс спущу в сортир...

Договаривать не стал, и так понятно.

Ещё пару часов потратил на доделку заготовки ножа, что начинал ещё вчера, до того, как отправиться на встречу с сестрой. И хоть планов на сегодня громадье, без оружия, хотя б такого, чувствую себя неуютно. Понятно, что предыду-

щий арсенал мне не оставили.

Заодно, пока время было, пристроил на костерок миску с морской водой.

Для чего это?

– Мне нужна соль. Если не добавлять в рацион соль, будет плохо, – ну не расписывать же сейчас лекцию, о последствиях недостатка в организме минеральных элементов? А морская вода – считай её кладезь. Тем более изначально соль из морской воды и добывали. – Твоя мать использует соль в готовке?

Да. Я не люблю несоленое.

– А где берёт?

Вроде... у людей моря выменивает...

– Ну вот. А мы будем свою делать.

Второй нож получился чуть хуже первого, сказывалась торопливость. Ладно, потом руку набью, чувствую мне их делать придётся пачками. И надо бы озаботиться чем-нибудь ещё, из убойного арсенала.

Но это потом, а пока...

– Значит так, боец, слушай задачу. Первое – произвести доразведку местности, выяснить, наконец, в какую локацию меня занесло и определить уже ориентиры. Надоело мне по лесу вслепую шараться. Второе... – вздохнул, скривился, – информационное обеспечение наших дальнейших действий. Задача ясна?

Ты сейчас с кем разговаривал?

Я аж хрюкнул, настолько удачная шутка получилась. Или не шутка? Вряд ли тут в ходу подобные приколы.

– Короче, для начала, я хочу понять, где я вообще оказался? Ты когда-нибудь на гору, что начинается от вашего поселения, взбирался?

Нет, а зачем?

– Что, даже любопытно не было, а что там?

Я реально удивился. Помню, в детстве облазил все «интересные» места, и будь в окрестности подходящая гора, не преминул бы вскарабкаться.

– И, кроме того, мне нужно больше знать про этих Ситу и Ману... Так понимаю, ты про них – ни в зуб ногой?

Да я их первый раз в жизни вижу!

– Хорошо. А кто может о них рассказать?

Откуда мне знать? И вообще, демон, ну что ты ко мне прицепился? Почему ты не вселился в Ману или вообще в вождя? Зачем ты испортил мне жизнь?

– А знаешь что? Думаю, твою жизнь уже нельзя было испортить сильнее, чем была.

Зато это была моя жизнь

– А теперь она – моя. Смирись.

На подъём от бамбуковой рощи ушло больше половины дня. Почти всё время карабкался по склону градусов под шестьдесят, местами круче, благо здесь росло много лиан. Но слабые ручки-ножки Хеху часто просили отдыха, так что

до места, откуда можно было обозреть местность, я добрался далеко за полдень, выхлебав три кокоса, захваченные с собой вместо фляг.

И вот наконец-то джунгли расступились, я выбрался за пределы «зоны леса». Дальше высокая растительность почти отсутствовала, видимо почвенного слоя уже не хватало, чтоб удержать что-нибудь крупнее редких кустиков.

– Да-а-а... – выдохнул зачарованно, переводя дух.

Высота над водой, на глаз – километр с хвостиком, не меньше. Под ногами шевелящаяся зелёная «крыша», обрывающаяся резко, куда-то вниз.

Прямо передо мной, вправо-влево насколько хватало взгляда – «вода, вода, кругом вода» всплыли в памяти строчки старой песни. Ни бережка, ни паруса. На сердце стало тоскливо. Никакой другой земли на горизонте, а горизонт у меня сейчас, таблицу я хорошо помню – сто двадцать километров. М-дя-а-а... Занесло.

Ладно, Скат, не вешай нос. Что у нас тут? Судя по солнышку «мой» берег выходил на восток – юго-восток, точнее скажу, когда полдень не прозеваю. Хотя в этом я не виноват – пока карабкался, небо почти всегда было закрыто растительностью. И да, я же помню, что тут – южное полушарие? Солнце, и соответственно тепло – на севере. А на юге холод и тень. И где-то там – местная Антарктида.

А ещё, я это хорошо разглядел, прямо с юга шло довольно мощное течение – оно даже по цвету воды отличалось. С мо-

его места не видно западного берега, но восточный оно омывало. Под ложечкой засосало – мне просто повезло: течение, натываясь на южный берег, образовывало некоторую турбулентность, из-за которой зона пляжика и берег, чуть дальше на север, оставались спокойной заводью. Но если бы я решил отплыть чуть дальше, хотя бы метров на триста... Бр-р-р-р... Унесло б меня в открытый океан, и, судя по всему, силенок выгрести обратно не хватило бы. Надо запомнить.

Кстати, раз течение южное, значит холодное. Вот и объяснение светящегося планктона – высокие широты отличаются хорошей биопродуктивностью, и люминесцирующих рачков принесло к моему бережку. А где планктон, там и «фильтраторы» – те, кто планктоном питаются. Те же синие киты. Не одного ли из них я вчера ночью видел? А ещё – моллюски. Так что без белковой пищи я не останусь.

Ладно, нечего стоять, надо заканчивать эту картографическую экспедицию. Даже если карту придётся «чертить» лишь в голове. Поскольку дальше на юг откос только увеличивал крутизну, я решил обойти гору с другой стороны.

Ещё через некоторое время я добрался-таки до западного склона. Дальше можно не идти, и так картина сложилась.

Во-первых, я на острове. Причём относительно небольшом: в длину дай бог километров пятнадцать, не больше. Это если без лагуны. А в ширину вообще, по прикидкам получилось около восьми. Эдакий вытянутый овал с расшире-

нием к северу. На южной оконечности возвышался конус потухшего вулкана – никаких признаков активности я не увидел. Ну, хоть с этим повезло, не хватало, чтоб на «тикающую бомбу» занесло.

При этом южный, холодный склон обрывался к воде круто, там даже я, без оборудования вряд ли смогу спускаться-подниматься. Восточный и западный склоны были менее круты.

А южный, повторяя по крутизне вначале восточный и западный, с высоты метров триста становился всё более и более пологим, и на ста метрах переходил в ступеньку-плато.

– Это там ваше поселение?

Я вытянул руку в сторону небольшой проплешины в восточной части плато, там, где сквозь кроны проглядывали крыши хижин.

Наверно. Я никогда ещё не видел нашего дома отсюда. Здесь ... красиво.

– То-то, пацан. Океан, это всегда красиво. Даже во время шторма. А это ваши участки?

Я указал на небольшие прогалы в западной части плато. Они довольно далеко отстояли друг от друга.

Наверно это они.

– Слушай, а чего вы не выведете лес на большей площади? Объединились бы, как навалились скопом, и расчистили бы себе место под пашню. Потом лишь нарезать участки, всего делов-то? Зато от наступления джунглей стало бы легче от-

биваться.

Зачем нам помогать соседям?

– Затем, чтоб соседи помогли вам.

Наши соседи нам не помогут, можно даже не простить.

Помогает только семья!

– Лан, не буду спорить. Я тут не председателем колхоза к вам назначен.

Плато было почти на всю ширину острова, как раз километров восемь в этом месте, обрываясь к воде знакомыми обрывами. И километров пять в продольном сечении острова. Да если хотя бы четверть этой площади пустить под запашку, то думаю бататом и просом каста земли завалилась бы выше крыши!

Ниже – вторая «ступенька», почти на уровне воды. Широкая и плоская, как козырёк у кепки. По ширине те же восемь километров, а в длину наверно два. Джунгли там значительно редели, рассыпаясь к берегу на отдельные островки, и в одном месте я разглядел деревню. Большую, кстати сказать, точно посчитать не удалось, но порядка восьми десятков домов я увидел. Да уж, получается людей лагуны более чем в два раза больше, чем «земляков».

Два ручья сбегали с горы, пересекали оба плато, один – как раз возле поселения людей земли, второй – неподалеку от деревни. Зачем-то вспомнилось, что такие ручьи на островах совсем не связаны с какими-нибудь ледниками... «Мой» остров до обладания снежной шапкой не дорос. И

с каким-нибудь горными озерами, тоже. Вода – это конденсат, что оставляют облака, цепляющие вершину. Такая вот занятная инфа.

Дальше начиналась лагуна. её ограничивала подковообразная цепочка барьера из коралловых рифов, примыкавшая к северному берегу острова, который почти на всём своем протяжении, а это не меньше пяти километров, представлял собой один сплошной песчаный пляж. Эх... мечта! Разве что редкие пальмы и какие-то высокие, раскидистые кусты то выходили к урезу воды, то отступали, оставляя засыпанное мелким, почти белым песочком пространство не уже футбольного поля. Неподалеку от деревни на берегу приткнулось несколько пирог, ещё парочка была без затей вытащена на песок.

Сама лагуна ... да-а-а... ещё одна картинка, просящаяся на рекламный постер – большая, в длину, по моим оценкам, километров десять, а то и больше, и в ширину не меньше острова отсвечивала чистейшим аквамарином. А вода была такая прозрачная, что мне казалось, будто я вижу дно, чуть ли не на всей протяженности.

Кстати, риф не замкнутый. То есть «не замочив ног» вокруг лагуны не обойдешь – то тут, то там волны океана перехлестывали коралловый барьер, а в западной части так вообще, был длинный проход, шириной не меньше полукилометра. На автомате отметил, что на большей протяжённости

этого разрыва глубины около метра, ну может двух, и только узкий, меньше ста метров длиной действительно глубокий канал, такой, чтоб океанскому кораблю войти.

Недалеко от прохода, внутри лагуны торчал островок. Маленький, вряд ли больше половинки футбольного поля. Был он не напротив прохода, а чуть севернее, и от островка к рифу тянулось мелководье. Я хмыкнул, должно хорошо прогреваться солнцем, наверняка там морская живность скапливается.

Островок в лагуне не единственный. Ещё в дальней от острова части рифа словно россыпь небольших, но густо заросших тропической растительностью мелких островков с узкими протоками между ними. На Земле я таких коралловых лагун не видел, но в принципе – ничего необычного.

Судя по цвету воды, глубины вокруг островков и рядом с основным островом были совсем небольшими. Метров десять-пятнадцать, не более. Вдоль цепочки ограждающих рифов побольше, но тоже вряд ли за тридцатку. И лишь середина лагуны синела тёмным пятном. Впрочем, если и тут механика образования, как на Земле, то не более пятидесяти, ну край – шестидесяти метров. Вряд ли больше. По глади лагуны скользили ещё несколько пирог. Парусов ни над одной из них я не увидел.

Тогда понятно, почему тут рыбаки в фаворе, а землепашцы нет. Судя по участочкам, «люди земли» еле-еле концы с концами сводят, а лагуна должна просто кишеть рыбой, тем

более на хорошо прогреваемых солнцем участках. Тем более холодное течение под боком, наверняка что-нибудь приносит, какого-нибудь криля антарктического, планктон тот же. Да мало-ли? Вот и нагуливает местная рыба бока.

В принципе, удивляться такому строению доставшегося мне острова не приходилось. Это – вулкан, поднявшийся когда-то со дна моря, значит и глубины, особенно с южной стороны такие, что есть где порезвиться атомным субмаринам. Северный склон, подверженный нагреву солнцем развалился быстрее, отсюда и такая форма. А идущее с юга холодное течение, заставило теплолюбивые кораллы выбрать для своих колоний теплый северный берег, что повлияло на форму лагуны. От восточного берега череда рифов отходила чуть ли не по прямой, вдоль течения, но не касаясь его. А от западного берега риф отходил выпуклой дугой. Вот такая, перекособоченная подкова получилась.

Кстати, с востока, под самым берегом, риф образовал небольшой серповидный «затончик», узенький и мелкий. Именно там и началась моя история в этом мире.

Но главное! Остров всё-таки был не единственным! На севере, на северо-западе и даже на северо-северо-западе из-за горизонта возвышались конусы других островов. Один, так вообще был километрах в восьмидесяти, со своего места я даже видел его берег, в отличие от остальных. Верхушки у соседних островов явно ниже «моего», вон какие тупые ко-

нусы, видимо эти вулканы ещё более старые. Зато они в стороне от холодного течения, лагуны могут быть и кольцевыми.

Архипелаг. Рядом с холодным течением. И «мой» остров – фактически его граница.

Глава 6 Тренировки и новые лица

Снова утро. Снова я начинаю его с тренировок.

Первым делом – дыхательная гимнастика. А то слишком мало моё тело на задержке дыхания держится, а мне еду из воды доставать. Поэтому к стандартному набору добавил «квадратное дыхание»: вдох-задержка-выдох-задержка. И так, сколько смогу. Раньше я с минутным циклом делал пятнадцать кругов. Сейчас... получилось гораздо меньше.

Уселся в позу лотоса, благо для молодого тела – это вообще не проблема. Сначала полный расслабон: я – тающий кусок масла под жарким солнцем, я – медуза, я – шарик, из которого выпустили воздух... И все мысли – долой. Мозг, тоже знатный пожиратель кислорода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.